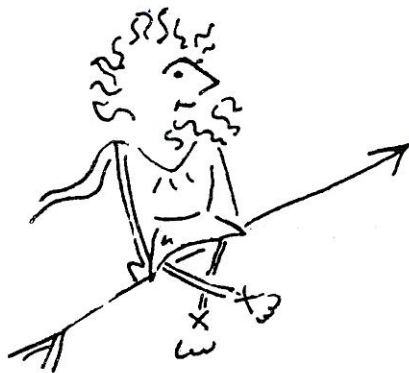

А Б А Р И С

апрель 2000

”Αβαρις

АБАРИС

ЖУРНАЛ ДРУЗЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

Редакционная коллегия: В. В. Зельченко (отв. редактор),
О. В. Бударagina, Т. М. Андроненко,
Макет: В. С. Синельников
Фотографии: И. О. Гальнина, В. Н. Кравченко,
архив *Bibliotheca Classica Petropolitana*
Эмблема журнала: Лиза Дмитриева

АПРЕЛЬ 2000

Адрес редакции: 197198, Санкт-Петербург, ул. Красного Курсанта, д. 6/9

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Lectori benevolo</i>	1
Л. Я. Лурье. Из истории Санкт-Петербургской классической гимназии	2
А. К. Гаврилов, В. С. Синельников. Греческая гимназия, Греческая улица	4
В. Степанов. Четыре стихотворения	11
Л. Я. Жмудь. А. И. Зайцев и классическая гимназия	12
А. И. Зайцев. Выступление на гимназическом вечере, посвященном 2000-летию со дня смерти Горация	15
Гораций. Ода I, 10. Перевод А. Дистеля	17
Л. Ю. Меньшикова, В. В. Зельченко. Кружок "Классика"	18
А. Иванова. Мотив "рысей зоркости" в античности и средневековье	21
<i>Abaridea</i>	27
Г. Яминова. <i>Rigidi Getae</i>	30
А. Distel, М. Kobak, К. Ivanov. <i>Deutsch ohne Noten</i>	33
Ф. Чикризов. Дятлы: реферат по биологии	34
Поездка в Херсонес	
Н. Макарова. Нас ждала античность	36
М. Григорьева. Этот труд не только тяжел	38
О. Романенко. Солнечное затмение	39
Из редакционного архива	39
<i>Grammatica picta</i>	40
Е. Н. Грачева. Гимназическая театральная студия	41
М. М. Поздnev (<i>Tardior</i>). <i>Mimicus</i>	44
Список выпускников Санкт-Петербургской классической гимназии (1995–1999)	50

На первой странице обложки: сцена из спектакля "Мимиямбы"

На четвертой странице обложки: рисунок Саввы Минаева

Издание осуществлено при поддержке
Санкт-Петербургского отделения Института *Открытое общество*,
Bibliotheca Classica Petropolitana
и антикварно-ювелирного дома *Petro*

За помощь в работе с иллюстрациями редакция благодарит К. Б. Катенина и Т. В. Тулинову

Lectori benevolo

АНТИЧНЫЙ КАБИНЕТ
BIBLIOTHECA CLASSICA

Осенью прошлого, 1999 года Санкт-Петербургской классической гимназии исполнилось десять лет. Таким образом, первый выпуск журнала, который вы держите в руках, готовился в специфической юбилейной атмосфере, усугубленной к тому же ожиданием нового тысячелетия. В коллективной душе редколлегии боролись два равно благородных, но, увы, взаимоисключающих стремления — беспристрастно подвести итоги и воздвигнуть себе нерукотворный памятник. Плоды этой борьбы мы решились вынести на суд широкой публики, поскольку считаем, что опыт первой и пока что единственной петербургской школы, в которой серьезно и систематически преподаются оба древних языка, может быть интересен не только непосредственным его участникам; кроме того, *non esset in rebus humanis eloquentia, si tantum cum singulis loqueremur* (QUINT. I, 2, 31). Следующие номера журнала будут, по всей видимости, менее парадными — впрочем, сведения о наших выпускниках, режиссеру кружка “Классика” и “Театра всех времен и народов”, отчеты о летних поездках и мемуары отцов-основателей гимназии мы намерены печатать и впредь.

Сведя воедино накопившийся материал, мы увидели, что сквозной темой первого выпуска стала тема гораціанская. Должно быть, это не случайно — ведь автору *SARMEN SAECULARE* тоже довелось пережить юбилейные торжества и даже воспеть их, пусть и с видимой неохотой. В этюде Гюльназ Яминовой интерпретируются строки Горация о скифах и гетах, а Саша Дистель, лауреат гимназического конкурса переводов, предлагает свою версию оды к Меркурию. С особым чувством мы публикуем речь о Горации, семь лет назад произнесенную перед гимназистами А. И. Зайцевым (1926–2000) — бессменным попечителем Санкт-Петербургской классической гимназии и наставником многих ее учителей; уход Александра Иосифовича еще раз напомнил нам, в каком именно году заканчивается двадцатый век.

Несколько слов о названии журнала. Образ таинственного героя-гиперборейца (стало быть, нашего земляка), не в самые легкие времена отправившегося в Элладу за наукой и вдохновением, показался нам отчетливо и вместе с тем ненавязчиво символичным. Испытывая острый недостаток биографических данных (к несчастью, время не сохранило жизнеописания Абариса, написанного учеником Платона Гераклидом Понтийским), редакция обратилась за помощью ко всем ревнителям просвещения и, как оказалось, не зря. В этом номере под рубрикой *АВАРИДЕА* читатель найдет литературные и графические свидетельства о Абарисе, обнаруженные и подготовленные к изданию нашими младшими гимназистами — и кто посмеет сказать, что в Греции во времена Креза не было ни линз, ни домашних кошек, а гантели использовались только для прыжков в длину?

Хотя редколлегия журнала и состоит из преподавателей древних языков, мы старались хранить верность словам *UNIVERSITAS LITTERARUM*, начертанным на эмблеме гимназии. К примеру, биологам советуем обратить внимание на материалы Насти Ивановой и Филиппа Чикризова, посвященные рысям и дятлам *resp.*, а поклонников Гете и Томаса Манна, надеемся, заинтересует сообщение о гимназическом Немецком клубе. На недоуменные возгласы математиков и химиков, англичан и географов, физиков и физкультурников, а также прочих обитателей школы решительно заявляем: страницы нашего журнала открыты всем, для кого важны и интересны слова “классическая гимназия” и “классическое наследие” — будь то ученики или их родители, учителя или выпускники. Редакция АВАРИСА надеется, что журнал объединит всех перечисленных выше лиц в деятельное сообщество друзей и единомышленников — а уж после этого можно как следует отоспаться на лаврах.

РАССКАЗЫ ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ

Л. Я. Лурье

Из истории Санкт-Петербургской классической гимназии

В начале 1980-х годов главным моим заработком было репетиторство. Среди тех, кто занимался этим увлекательным и опасным промыслом, был и выпускник истфака ЛГУ Леонид Жмудь. Одним из многих бессмысленных и неосуществимых планов, которые мы обсуждали в то время, было создание некоей средней школы: уровень подготовки абитуриентов по гуманитарным дисциплинам был пугающе низок. У меня не было никаких особых представлений о возможной модели подобного образовательного учреждения. Представлялось, однако, нечто похожее на 30-ю физико-математическую школу, которую я окончил. Что касается Леонида Жмудя, то он уже тогда был увлечен идеями Якова Марковича Боровского о возрождении классической гимназии. Все это, однако, были лишь мечты и звуки.

В середине 80-х годов я попробовал преподавать историю в своей alma mater — 30-й школе, где

в то время учился мой сын Даниэль. Школа по-прежнему была вполне приличной, но настоящая специализация начиналась только в старших классах. Пятый класс, в котором я вел занятия, был переполнен, неровен по составу, и преподавание там велось, на мой взгляд, довольно плохо. Это не нравилось ни мне, ни моей давней приятельнице Ирине Борисовой, дочь которой Аня училась в одном классе с Даниэлем. Тогда-то, вспомнив о замысле Леонида Жмудя, я и предложил директору 30-й школы, милейшей и доброжелательной Эльвире Васильевне Иовлевой, создать при школе два дополнительных шестых класса с классическим уклоном. Нам удалось пробить эту идею; было арендовано помещение в соседнем Доме пионеров, начали появляться учителя. Необычайно полезным оказалось участие супругов Александра и Марины Русаковых: Марина Валентиновна взялась преподавать шестиклассникам русский язык, а Александр Юрьевич, со следующего года — средневековую литературу. За математику взялся учитель 30-й школы Григорий Медников; первым учителем латыни, по существу воссоздавшим традицию преподавания этого языка в школе, стала Людмила Юрьевна Меньшикова, ученица Якова Марковича Боровского. Перед самыми вступительными экзаменами появилась и учительница английского языка Марина Чернышева; она стала вести английский в а-

вать шестиклассникам русский язык, а Александр Юрьевич, со следующего года — средневековую литературу. За математику взялся учитель 30-й школы Григорий Медников; первым учителем латыни, по существу воссоздавшим традицию преподавания этого языка в школе, стала Людмила Юрьевна Меньшикова, ученица Якова Марковича Боровского. Перед самыми вступительными экзаменами появилась и учительница английского языка Марина Чернышева; она стала вести английский в а-

классе, а класс β взяла на себя опытный лингвист Татьяна Шарыгина. Русскую литературу в обоих классах вела Ольга Славина. Леонид Жмудь преподавал античную историю, а я — краеведение. Классной дамой стала Татьяна Дмитриева.

В мае 1989 года в помещении 30-й школы мы провели вступительные экзамены. Конкурс был около шести человек на место. Примерно треть будущих гимназистов пришла из “моего” и параллельного класса в “тридцатке”, остальные узнали о существовании нового учебного заведения из газет или от знакомых.

Таким образом, 4 сентября 1989 года можно считать датой возрождения классического образования в России. Первые с 1918 года *гимназисты-классики* приступили к учебе. Все мы были полны энтузиазма, что называется, горели на работе и страшно разбаловали будущих первых выпускников. Между тем администрация “тридцатки” осознала, что “классические классы” в дальнейшем могут создать для нее множество проблем: с одной стороны, было непонятно, куда их девать, — в школе не хватало места и для своих собственных учеников. С другой стороны, в дальнейшем латынь и греческий могли создать математике — профильному предмету этой школы — серьезную конкуренцию. Нам стало ясно: чтобы развивать нашу гимназию, с “тридцаткой” придется “развестись”.

Вероятно, если бы дело происходило не в революционном 1990-м году, мы были бы обречены завязнуть в бюрократическом крючкотворстве. Однако в тот момент начальство было невероятно напугано и подавлено и, в конце концов, сдалось. Нам был присвоен номер, и мы стали средней школой № 610. Дело было за помещением. Дом пионеров больше не хотел нас видеть. Вступительные экзамены в новые шестые классы мы провели в аудиториях ЛЭТИ, где нам покровительствовал известный математик, профессор Марк Башмаков. Конкурс — 10 человек на место — был невероятным и самым высоким за все существование гимназии (замечу, что, с моей точки зрения, этот выпуск и оказался лучшим). После разнообразных мытарств нам удалось наконец перед самым началом учебного года обосноваться в нескольких комнатах Петроградского РОНО (районного отдела народного образования) на углу Большого проспекта Петроградской стороны и Бармалеевой. Однако вскоре выяснилось: мы нежеланные гости. С нами начали бороться и сотрудники РОНО, и обладавшая гораздо большими возможностями районная администрация, возглавлявшаяся бывшим офицером КГБ Павлом Кошелевым. Нам отключали свет, воду, и часто, придя в школу, мы обнаруживали на дверях висячий замок. Однако эти романтические времена только сплотили педагогический коллектив, к которому добавились филолог Наталья Рогинская, историки античности Дмитрий Панченко и Сергей Тохтасьев, латинисты Татьяна Путилова и Татьяна

Кудрявцева, медиевист Илья Черняк, преподаватель биологии, сотрудник Ботанического института Алексей Оскольский, математик, отец одного из наших учеников и будущий директор гимназии Сергей Бурячко и, наконец, Галина Коган, в прошлом инженер, ставшая классной дамой. Обязанности директора в это смутное время исполняла инженер-радиофизик Любовь Перетц, а секретарем стала Марина Бердичевская, тоже инженер.

В нашей борьбе с районными властями мы опирались на поддержку депутатов тогдашнего демократического Ленсовета. Помню, в частности, как пришлось вместе с Юрием Мальшевым, главой комиссии по образованию, взламывать фомкой дверь, запертую супостатом. В конце концов (при содействии Академии наук, и в особенности А. А. Фурсенко) удалось довести проблемы гимназии до председателя Ленсовета Анатолия Собчака, вручавшего потом аттестаты первым выпускникам. Собчак заявил Кошелеву, что дело районной администрации — убирать окурки на Большом проспекте. Вскоре мэрия выделяет нам пустующее здание ПТУ на углу Малого проспекта (в то время пр. Щорса) и улицы Красного Курсанта.

1 сентября 1991 года, после краха ГКЧП, мы начали третий учебный год в новом здании. Было шестистое в тогах, директор на коне, а Виктор Кривулин на открытии заявил, что последние дни были ознаменованы двумя важными событиями: путч провалился, а классическая гимназия состоялась.

А. К. Гаврилов, В. С. Синельников

Греческая гимназия, Греческая улица

1.

Улица *Красного Курсанта*, дом 6/9. По этому адресу располагается Санкт-Петербургская классическая гимназия с 1991 года, с тех пор как она, после двух лет неустроенности, получила собственное здание. Как можно узнать из новейшего справочника по городской топонимике,¹ в конце XVIII — начале XIX в. часть улицы носила название *Греческий проспект*. Как тут не заинтересоваться историей этих мест, тем более нам, теперь уже старожилам! Некогда здесь, вблизи Тучкова буяна, едва ли не в самой низменной части города (она и называлась Мокруши, поскольку затоплялась при малейшем ветре со стороны моря) находилась Татарская слобода, о которой и теперь еще напоминает Татарский переулочок, а по другую сторону от Большого проспекта — знаменитые Колтовские, или Колтовская слобода. Параллельно Малой Неве вытянулось русло Ждановки (название старинное, засвидетельствованное с 1778 г.). Наш *Курсант* пролегает вдоль этой речки.

Вот что сообщает упомянутый справочник об истории наименований улицы: в 1772–1785 гг. (в границах между Офицерским пер. и Новоладожской ул.) она называлась *Инженерной*. В 1790-х — 1810-х улица уже называется Спасской и начинается от Малого проспекта — почти в нынешних границах. Затем в течение ста лет улица носит название *Большая Спасская*, по церкви Спаса Преображения Господня (Спас Колтовский). Находился этот храм в створе Большой Спасской улицы,² сразу за Церковным переулком (одно время он именовался 5-й Колтовской улицей, ныне это Новоладожская улица); в тридцатые годы Спас Колтовский был снесен, и теперь на этом месте стоит здание школы № 54. С 1922 года Большая Спасская приобретает нынешнее боевитое имя.

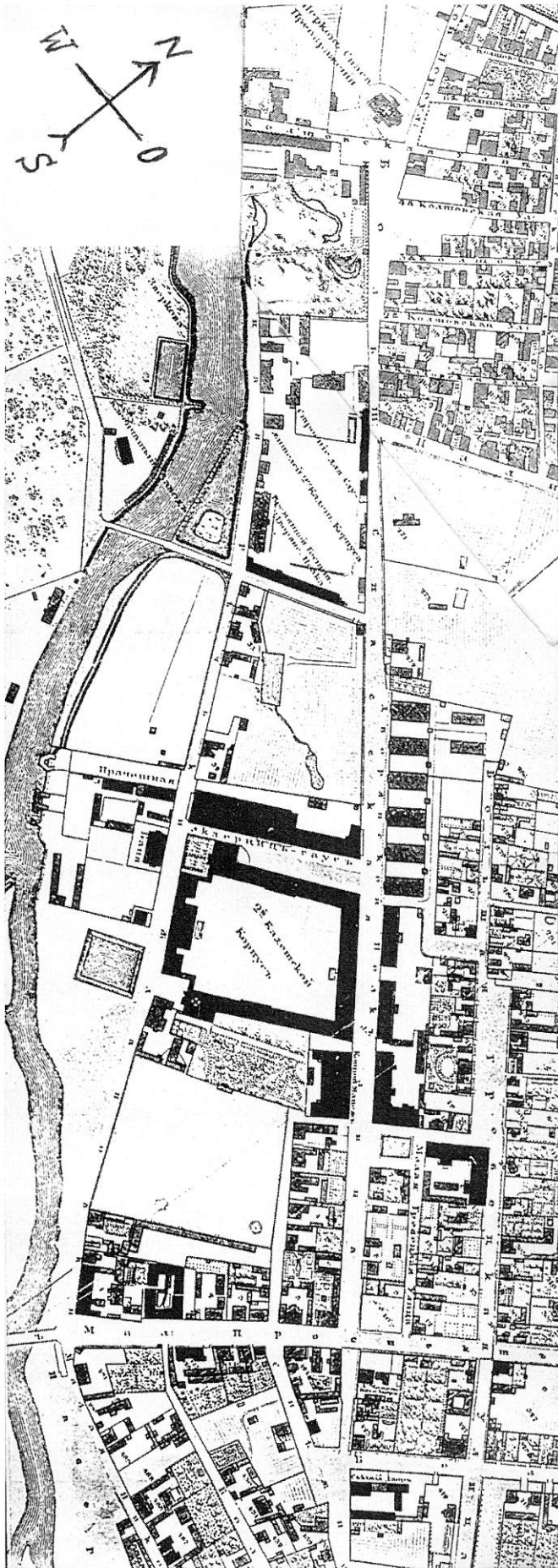
Те, кому доводилось гулять по улице Красного Курсанта или по Ждановской набережной в сторону от Большого проспекта, знают, что там — крупное

военное учебное заведение. Комплекс зданий, занимающий целый квартал, построен с имперским размахом; производит впечатление белоколонный фасад, выходящий на набережную. Здесь находится *Военный инженерно-космический университет (ВИКУ)* им. А. Ф. Можайского, в прошлом — 2-й кадетский корпус, чья судьба связана со многими значительными именами российской истории. Как рассказывает П. Н. Столпянский, здесь, в Колтовской слободе, “26 апреля 1732 года... на берегу реки Ждановки взят под Инженерную школу дачный участок фельдмаршала графа Миниха”.³ В 1758 г. Артиллерийская и Инженерная школы объединены в Артиллерийскую инженерную школу, а в 1762 г.⁴ повелением Екатерины II учрежден *Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус*; с 1800 г. он известен как *2-й кадетский*. В судьбе этой старейшей военно-инженерной школы когда-то принимали участие фельдмаршал Миних, Абрам Петрович Ганнибал, Ломоносов; среди её выпускников отец полководца Кутузова (выпуск 1737 г.) и сам Михаил Илларионович, который окончил курс в 1761 г. и здесь же впоследствии преподавал.

Вскоре Артиллерийский и инженерный кадетский корпус оказался вовлечен в события, причастные к истории греко-российских связей.

2.

Эллинофильство в России имеет давние корни. Именно из Греции (точнее, из Византии) пришли на Русь православие, грамота, книжность. Главу русской православной церкви, митрополита, назначал и посвящал в сан константинопольский патриарх; первые митрополиты были, как правило, греки. Только после завоевания Византии турками русская церковь перестала быть дочерью церкви греческой, с XVI в. ее глава тоже стал именоваться патриархом. Так было вплоть до петровских реформ — после смерти в 1700 году патриарха Адри-

Район Большой Спасской улицы (карта Шубарта, 1828)

ана преемник ему не назначался. По иронии судьбы институт патриаршества в России был восстановлен лишь при Ленине, в эпоху государственного атеизма.

Неудивительно, что освободительная борьба греков против власти турок вызывала сочувствие и у России официальной, и в общественных кругах — достаточно упомянуть знаменитый Греческий проект Екатерины II. Помимо образования на месте Дунайских княжеств нового государства (которое в планах Екатерины иногда именуется Дакией), проект подразумевал создание независимой Греции со столицей в Константинополе, причем на престол императрица предполагала возвести своего внука Константина. “Давнее предание о том, что владельцем Константинополя будет пришедший с севера царь Константин, — писал в XIX в. историк литературы академик М. И. Сухомлинов,⁵ — получило новую жизнь”. Реальной политикой занимался осторожный Г. А. Потемкин, между тем как амбициозный проект готовил граф А. А. Безбородко, написавший и текст тайного письма императору “Священной Римской империи” Иосифу II (1765–1790), который более всего опасался, что Россия может завоевать Крым. В самом деле, Греческий проект взволновал императора и отвлек его от заботы о Крыме, что, возможно, и было целью Екатерины.⁶ Переговоры тянулись ровно столько, сколько понадобилось Потемкину, чтобы покорить Крым во исполнение секретного указания императрицы. Потемкин не зря получил прозвание Таврического: после завоевания Крыма он осваивал Новороссию, руководил иммиграцией в Россию православных с Балкан,⁷ строил и благоустроивал города, получавшие нарочито греческие названия: Херсон, Мелитополь, Мариуполь. Символично, что проспект в Петербурге, прилежавший с одной стороны к греческой церкви, а с другой к обширным владениям Потемкина-Таврического в северной столице, знаменитому дворцу и саду, — получил (в 1871 г.) название Греческого.

Однако и помимо политических (прогреческих и вместе антитурецких) настроений преклонение перед греческой традицией давно уже стало неотъемлемым элементом русской культуры. Греки в России исстари играли значительную роль в русской церкви и школах; теперь, в последней четверти XVIII в., возросло их влияние и в русской армии.

3.

После окончания русско-турецкой войны немало греков вместе с семьями перебрались в Россию. Тогда-то и возникает план образовать в Петербурге греческую гимназию, для детей тех, кто на русской службе борется против турок.⁸ Екатерина вовлекает в эту затею Евгения Булгариса (об иеродиаконе Евгении, учнейшем из греков XVIII века, мы еще будем говорить), и в 1774 году направляет рескрипт директору кадетского корпуса:

Господин Генерал-Инженер Мордвинов!

Граф Алексей Григорьевич Орлов, по соизволению Нашему, отправляет сюда набранных в Архипелаге гре-

ческих мальчиков, коих число точно хотя неизвестно, но может быть их до двухсот будет. <...> Место же для их пребывания и училища определяем Мы в Ораниенбауме, естли столько там способности к тому найдется. Небесполезно будет вам поговорить о сем училище и с иеродиаконем Евгением, который, как граф Алексей Григорьевич отзывался, охотно смотрение над оным на себя принимает.

Екатерина

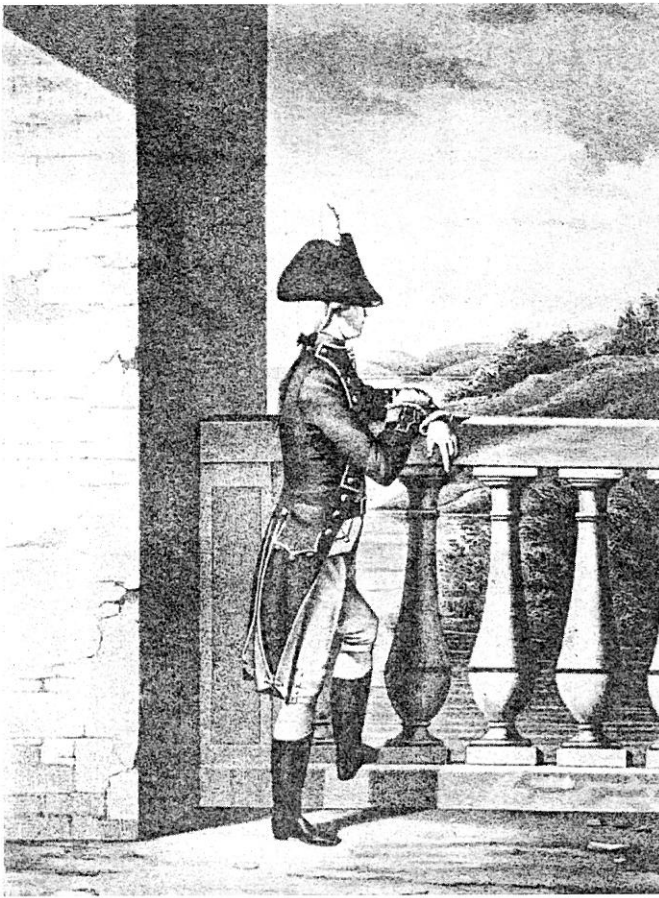
19го Ноября, 1774 г., Санктпетербург.⁹

Видимо, по мнению М. И. Мордвинова, в Ораниенбауме (ныне г. Ломоносов) к размещению училища “способности” не нашлось, и Екатерина 7 января 1775 г. пишет новый рескрипт:

План строений Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса:

A – инженерная полковая церковь; B – директорский дом с садом; C – кадетские классы; D – кадетские каморы; E – каморы и классы солдатской роты; F – столовый зал; G – лазарет, общий с Корпусом чужестранных единовѣрцев; H – манеж с конюшней; J – дома для корпусных офицеров и корпусных учителей; K – зал с кладовыми для лагерного времени; L – кухни, хлебные и другие экономические строения; M – лаборатория; N – модельный дом; O – дома для нижних служителей; P – церковь; Q – кадетские каморы; R – кадетские классы; S – каморы и классы солдатской роты; T – лазарет; U – строения Корпуса чужестранных единовѣрцев; V – строения инженерного фурштадтского двора; W – обывательские строения (тонкой линией обозначены проектируемые каменные здания)

Воспитанник Корпуса чужестранных единоверцев
в парадной форме (1792–1796)

Минувшего года Ноября от 19го числа поручили Мы вам осмотреть в Ораншенбауме казенные строения, удобны ли они для учреждения там училища отправляемых сюда из Архипелага греческих мальчиков; но, усмотря из рапорта вашего некоторое в том неудобство, поручаем вам же построить для них деревянный дом на пустом, против артиллерийского кадетского корпуса, месте, на что и приказали отпустить вам из Кабинета двадцать тысяч рублей.¹⁰

По высочайшему повелению Евгением Булгарисом был составлен проект: *План об учреждении при артиллерийском и инженерном шлякетном кадетском корпусе гимназии для чужестранных единоверцев, подтвержденной от Ея Императорского Величества в 1775 году* (Санкт-Петербург, при Артиллерийском и Инженерном Шлякетном Кадетском Корпусе, 1776).

Новое военно-учебное заведение получило название *Корпус чужестранных единоверцев*, или *Греческая гимназия*. «Мордвинов составил обширный доклад Государыне по устройству нового учебного заведения... — пишет историк 2-го кадетского корпуса. — Хотя гимназия эта составляла особое заведение, но она состояла под непосредственным началом генерала Мордвинова, была помещена в

Офицер Корпуса чужестранных
единоверцев (1792–1796)

смежном с корпусом строении и по хозяйственной части управлялась корпусной канцелярией».¹¹

Как можно видеть на плане 1794 г., Греческая гимназия разместилась в ряде деревянных строений по обе стороны Спасской улицы, в пределах территории Кадетского корпуса. В 1795 г. назначенный генерал-фельдцейхмейстером последний фаворит Екатерины Платон Зубов добился выделения денег для замены деревянных построек Корпуса каменными, и по проекту архитектора Ф. А. Демерцова началось строительство сохранившегося донныне комплекса. «Корпус чужестранных единоверцев в этом же году переведен в прежний дом Морского кадетского корпуса, а принадлежащие ему ветхие строения с пространством земли по берегу Петровки (так в то время называлась р. Ждановка. — А. Г., В. С.) на 250 с лишком сажен и в глубину 160–200 сажен отданы Артиллерийскому и инженерному кадетскому корпусу».¹²

В том же выше очерке приводится (из доклада Мордвинова на имя императрицы) план обучения в Греческой гимназии по Булгарису — программа школы, носящая, как увидим позже, отпечаток личности и биографии ученого грека:

1-е и главное знание почитается для юношества Закон Божий и благочестие, для чего в положенное время и [нужно] обучать всех их догматам веры и евангельскому правоучению.

2-е — языкам обучать всей гимназии: Российскому, Немецкому, Французскому, Итальянскому, Турецкому¹³ и Греческому, но не всем вдруг, а распределяя таким образом, чтобы учащиеся не более чем двум языкам в одно время были обучаемы, дабы множественством чужестранных слов не затмить понятие и тем не отнять способности к изучению других полезных наук.

3-е — Арифметика, Алгебра простая и Геометрия суть науки, изостряющие разум и делающие [его] способнейшим к понятию, а притом и во всяком почти жития состоянии нужные, ежели не всему учению, то по крайней мере многим языкам должны предшествовать, следственно и от изучения их никто исключен быть не может.

4-е — знание Гистории и Географии политической нужно также всякому, в какую б кто службу себя ни приуговлял, из коих первая откроет им великих Мужей, отменивших себя учением и важными делами в пользу их Государей и Отечества; вторая подаст знание о качествах и свойствах всякого народа, о состоянии их земель и в чем они имеют изобилие или недостаток.

5-е — Рисовальное искусство потребно для каждого, а необходимо для тех, которые по склонностям их определены будут в Артиллерию или к Инженерному корпусу.

6-е — Танцевание нужно для стройности тела, а Фехтование для укрепления членов, почему экзерциции сии из общего учения и не исключаются.

7-е — по окончании общего учения, на которое полагается четыре года, поступают учащиеся в вышние классы...

И далее:

Хотя учение само собою успевших награждает, так как и лишение оно чрез всю жизнь бывает непрерывным наказанием, но для детей, не понимающих еще ни того, ни другого, <...> награждения и наказания суть средства необходимые <...> За особливые в учении успехи должно определять награждения, состоящие в книгах, эстампах, математических инструментах и тому подобных вещах <...> [Нерадивых же] наказывать сажанием на хлеб и воду, служением при столе, одеванием в дурную одежду и сему подобными наказаниями, приводящими более в стыд, нежели изнуряющими тело, а за большие вины, от злости и с намерением чинимые, фуктелем и лозами.¹⁴

“Инспектором классов”, отвечавшим за преподавание учебных дисциплин в гимназии, состоял С. Я. Румовский (1734–1812),¹⁵ русский ученый-энциклопедист, младший современник Ломоносова, один из первых русских астрономов, правовед и филолог, знаток греческого языка, переводчик Тацита.¹⁶ Неудивительно, что при нем гимназия начинает издательскую деятельность; удивительнее то, что переводили не только греческих авторов на рус-

ский язык, но и наоборот!¹⁷ так, воспитанник гимназии Георгий Балдани¹⁸ переводит на греческий русские литературные тексты.

4.

Тема переводов с русского (и латыни) на греческий возвращает нас к Булгарису,¹⁹ которому не случайно же был доверен проект Гимназии чужестранных единоверцев. Евгений Булгарис (1716–1806), крупный эрудит и ученый, страстный греческий патриот.

Евгений Булгарис

Это ему Екатерина поручает перевести на греческий свой “Наказ”, а также “Энеиду” Вергилия, которую Булгарис посвятил Потемкину. Подношение литературных трудов вельможам можно было бы считать всего лишь политесом, однако Потемкин, в молодости учившийся в Московском университете, живо интересовался античностью, чему есть вполне объективное свидетельство.²⁰ “Энеида” Булгариса имела и научную ценность: переводчик, насколько возможно, пытался использовать те самые гомеровские выражения, которые послужили источником эпических формул Вергилия.

На Афоне и в Константинополе, в Лейпциге и

в Петербурге Евгений Булгарис создает солидные учебники для своих соотечественников, участвуя, таким образом, в формировании (ново)греческого языка. В один день из иеромонаха превратившись в архиепископы, Евгений был направлен императрицей на новые земли русского юга. В соответствии с екатерининской политикой началось активное заселение этих земель славянами и греками. Это отсюда пошли знаменитые “потемкинские деревни”, сооруженные на пути следования Екатерины, когда она пожелала осмотреть обустройство новых земель. Решено было перевести в Херсон и Петербургскую греческую гимназию, которую в 1783 г. отделили от 2-го кадетского корпуса.²¹ Евгений организовал в Полтаве Семинарию,²² во многом сходную с Петербургской Греческой гимназией; там преподавали известный греческий эрудит и педагог Никифор Феотоки(с) и ученый Гавриил (Банулеско-Бодони). Здесь, кстати, воспитывался переводчик греческих авторов И. И. Мартынов²³ и получил начатки своего образования Н. И. Гнедич, оба филэллинисты не только в языковом или даже литературном плане; недаром расцвет деятельности обоих приходится на 1820-е годы, время освобождения Греции.

Планам обустройства Греческой гимназии в Херсоне, который вместе со Славянском должен был стать центром греческой цивилизации на руинах Османской империи,²⁴ сбыться суждено не было.²⁵ Напротив, Петербургская греческая гимназия в 1780-х гг., когда Евгений уже был на Юге, оказалась столь популярна у русской аристократии, что ее организаторам пришлось напоминать публике об ее изначальном назначении. Многие выпускники Греческой гимназии служили на русском флоте:²⁶ почти треть тех, кто участвовал в миссии Ушакова на Ионических островах, были греки, окончившие Корпус чужестранных единоверцев в Петербурге.²⁷ Прежде чем проститься с Евгением Булгарисом, отметим, что уже глубоким старцем он в немалой мере способствовал росту и авторитету Александро-Невской семинарии (с 1797 года академии), которая с 1809 года преобразована в Петербургскую Духовную академию.²⁸

5.

Смерть Екатерины и воцарение Павла повлекли за собой решительные перемены во всех сферах. “Павел принес с собой на престол не обдуманную программу, не знание дел и людей, а только обильный запас горьких чувств, — пишет В. О. Ключевский.

— Его политика вытекала не столько из сознания несправедливости и негодности существующего порядка, сколько из антипатии к матери и раздражения против ее сотрудников... Это участие чувства, нервов в деятельности императора сообщало последней не столько политический, сколько патологический характер...” После того как Павел пожелал получить отчет об издержках, связанных с Греческим проектом, гимназию ждала судьба многих начинаний Екатерины и ее сподвижников. Корпус чужестранных единоверцев был расформирован в конце 1796 года,²⁹ и только улица, как свидетельствует цитированный справочник, сохраняла свое имя до начала 1820-х.

Теперь понятно, почему часть улицы, на которой ныне расположена единственная в Петербурге классическая гимназия, некогда называлась Греческой. Что касается нынешнего названия, то оно вполне укладывается в логику идеологических переименований. В самом деле, если *Спасская* отдает опиумом для народа, то *Красного Курсанта* — коммунистически перелицованное³⁰ напоминание о старинном военном училище, главной исторической достопримечательности этих мест. Улицам приходится при новом строе менять имена, как женщинам в замужестве; советский брак был долгим, но не самым счастливым, и неудивительно, что теперь многие улицы вернули себе девичьи фамилии.

Итак, через два столетия греческий язык вернулся на *ту же самую* улицу — своего рода греческое чудо в Петербурге! Не ясно ли, что надлежит возратить нашей улице или части ее между Большим и Малым проспектами прежнее название? Это не только давало бы историческую перспективу обновленной классической гимназии, но и, что еще важнее, напоминало бы горожанам о 2-м кадетском корпусе и событиях, связанных с российским вкладом в освобождение Греции. Не встретятся ли на Греческой улице наше прошлое с нашим будущим?

¹ Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика. Полный свод названий за три века. СПб., 1997.

² Церкви ставили так, чтобы близлежащие улицы или их участки лежали как бы на продолжении лучей, сходящихся к золотому куполу с крестом; это производило впечатляющий архитектурно-пространственный эффект.

³ П. Н. Столянский. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. СПб., 1995. С. 104

⁴ И. Г. Георги. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996. С. 141.

⁵ Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. 14. С. 82 (цит. по кн.: Н. П. Жервэ, В. Н. Строев. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912 гг. СПб., 1912. С. 55).

⁶ А. М. Ловягин. Исторические и библиологические очерки. Петроград, 1917. Вып. 1. С. 128–134.

⁷ Г. Л. Ари. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX в. // Советская этнография. 1969. № 3. С. 85–95.

⁸ Г. Л. Ари. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в.: Западнобалканские пашалыки Османской империи. М., 1963. Он же. Этеристское движение в России. М., 1972.

⁹ Отдел рукописей РНБ, ф. 227, № 25 (архив Я. К. Грота), л. 1.

¹⁰ Там же, л. 2.

¹¹ Н. П. Жервэ, В. Н. Строев. Указ. соч. С. 55.

¹² Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862. С. 28.

¹³ Одна из первых публикаций Греческой гимназии — перевод с французского турецкой грамматики (переведена в Корпусе, напечатана за счет Гимназии): J.-B. D. Holdermann [1694–1730]. Турецкая грамматика. СПб., 1776 (Сводный каталог русской книги XVIII века. Т. 1. М., 1962. № 1533).

¹⁴ Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. С. 56 сл.

¹⁵ “С. Я. Румовский стал надворным советником в связи с назначением инспектором греческой гимназии при артиллерийском кадетском корпусе” (Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин. Отечеству на пользу, россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. Л., 1988. С. 192).

¹⁶ Очерк биографии Румовского см. в кн.: Е. С. Кулябко. Замечательные питомцы Академического Университета. Л., 1977. С. 164–173. Отметим его издание “Анналов” Тацита (в 4-х тт., с параллельным латинским текстом: СПб., 1806–1809); член Петербургской академии, он же был участником и организатором работы над словарями в Академии Российской с основания последней (в 1784 г.). Кулябко также упоминает (там же, с. 170), что кроме профессорства в Академическом университете Румовский с 1766 по 1783 г. был “инспектором гимназии, учрежденной в Перербурге «для чужестранных единоверцев», в особенности греков”.

¹⁷ См.: Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1962–1967 (индекс учреждений, под сл. “Корпус чужестранных единоверцев”).

¹⁸ О Георгии Балдани см.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 55 (статья А. А. Кибальника). Балдани родился ок. 1760 г.; был в числе первых воспитанников Греческой гимназии; в 1780 г. перевел оду Петрова Потемкину, ведущий мотив которой — мольбы освободить Грецию.

¹⁹ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 132–136 (s. v. Булгарис; статья А. К. Гаврилова); S. Batalden. Catherine II's

Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia. 1771–1806. Boulder; NY, 1982. P. 30. Эта монография вскользь, но часто касается истории Греческой гимназии (см. Index, p. 193: Greek Gymnasium): “История Греческой гимназии... так и не была написана и заслуживает специального исследования”. Баталден также приводит сведения о публикациях Греческой гимназии (Op. cit. P. 121, n. 80); он же указывает, что данные об основании гимназии и ее греческих учащихся представлены в архивах ЦГАДА и ЦГИА.

²⁰ В. В. Зельченко. Morete, Dionysi // Древний мир и мы. Вып. II. СПб. 2000. С. 280–281.

²¹ Полный свод законов Российской империи. Т. XXI. С. 861 (№ 15658 от 13 января 1783 г.).

²² S. Batalden. Op. cit. P. 54 f.

²³ Иван Иванович Мартынов (1771–1833), переводчик, издатель и просветитель. Рано оставшись без родителей, он был помещен на казенный счет в Полтавскую духовную семинарию, где одновременно с учебной преподавал греческий своим соученикам. В числе самых способных Мартынова перевели в Петербург, в Александро-Невскую духовную семинарию, где он был соучеником Сперанского. Близкий к либеральному окружению Александра I в начальный период его царствования, Мартынов принимал деятельное участие в организации Царскосельского лицея (там вместе с Пушкиным учился его сын А. И. Мартынов, 1801–1850). В 1823–1829 гг. Мартынов издал 26 томов переводов греческих классиков с обширными историко-филологическими комментариями.

²⁴ S. Batalden. Op. cit. P. 77.

²⁵ Баталден ошибается, когда пишет: “В Херсоне успешно действовал, впрочем, свой Кадетский корпус” (S. Batalden. Op. cit. P. 135, n. 47).

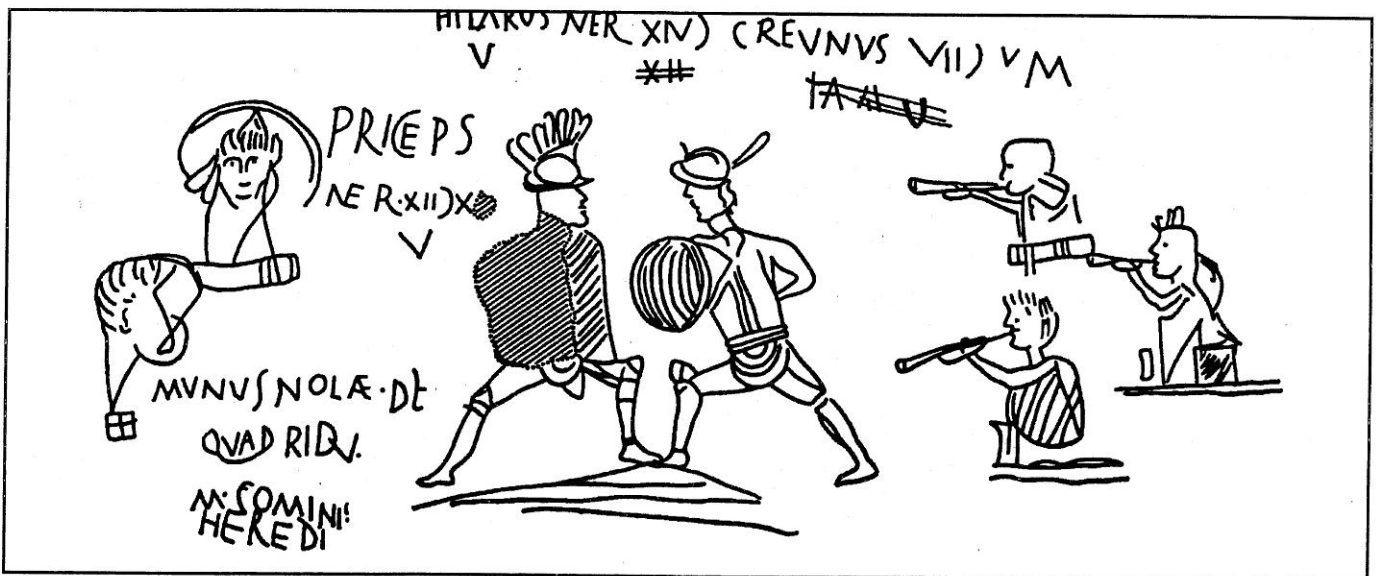
²⁶ Недаром Греческая гимназия упоминается и в кн.: Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 452.

²⁷ S. Batalden. Op. cit. P. 141, n. 2. В этом перечне бросается в глаза имя Спироса Бицилли — по всей очевидности, предка известного в начале XX в. ученого (о нем см.: Б. С. Каганович. П. М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. 1993. М., 1994. С. 256–271); отметим и Ивана Цемутали, потомок которого Алексей Николаевич Цамутали — ныне здравствующий историк России, живущий в Санкт-Петербурге.

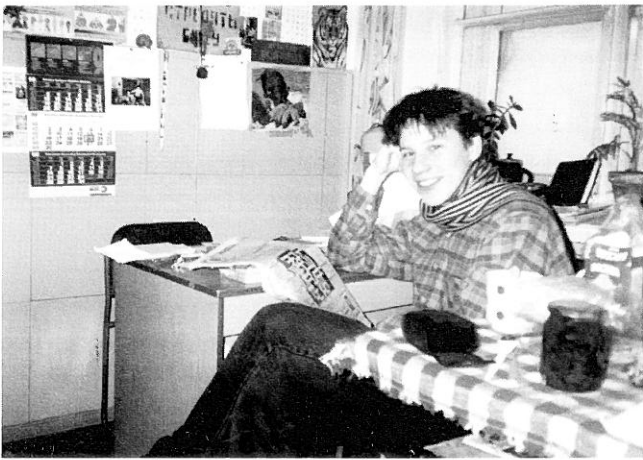
²⁸ S. Batalden. Op. cit. P. 87.

²⁹ Н. П. Жервэ, В. Н. Строев. Указ. соч. С. 101

³⁰ Иногда название просто меняет знак в новой идеологической системе: ср. ул. Красной Конницы вместо прежней Кавалергардской; Халтурина близ резиденции царя, на которого он готовил покушение; Большая Дворянская превратилась в ул. Деревенской Бедноты; и т. п.

Помпейское граффито (CIL 4, Suppl. 3, 10237)

Василий Степанов

выпускник 1998 г.

Четыре СТИХОТВОРЕНИЯ

Гектор

Или он или я.
Пусть ему не хватило бы сил.
Илион или Троя,
А я убегая один,
Добежал до угла,
Все труднее даются шаги.
И хоть Троя мала,
Но все больше, словно круги
На воде.

* * *

память приучена к мелким вещам,
уместившимся в крохотной жизни:
запаху, тишине, чтению по ночам.
в ней конец зачастую ясней и уместней
начала (пара строк в эпиграфии)
я собрал в альбом фотографии,
на которых опять не хватает чего-то.

Бык

испанский бык испуган и помят
и на бок падает и пачкает песок.
сеньор испании пленяющий наряд
руками точными отточенный клинок
сжимает говоря подобные слова:
ему конец но каждому свой срок
и скоро мне лежать у бычьих ног
и нюхать пыль где бычья голова.

* * *

торговец слышит аромат
приправ утопленного груза
и исчезая как медуза
из порта тащится назад
и понемногу ускользает
из тесных раковин ушей
как горький запах из ноздрей
шум моря волн и такелажа
бесценных пряностей пропажа
все меньше трогает его
он с опустевшей головой
идет как и решил домой
и достигает своего.

Л. Я. Жмудь

А. И. Зайцев и классическая гимназия

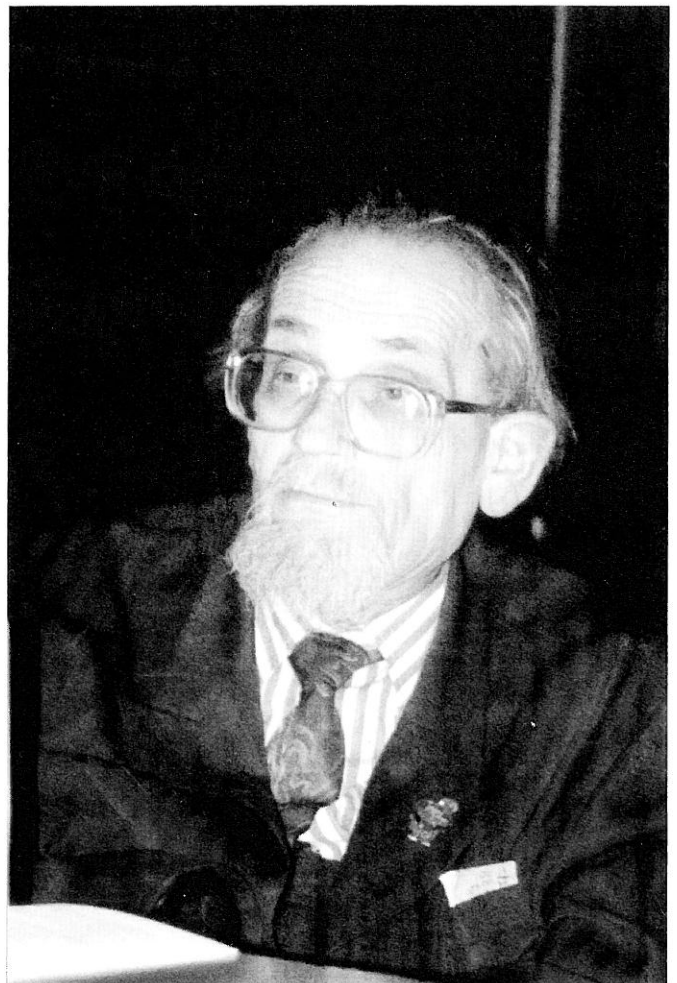
В этих заметках, связанных с десятилетием гимназии, я хотел бы обратиться не к ее успехам или неудачам, а к той части ее истории, которая связана с именем Александра Иосифовича Зайцева — недавно ушедшего от нас учителя большинства петербургских классиков, в том числе и большинства преподавателей древних языков в гимназии.

В последние годы Александр Иосифович был председателем попечительского совета гимназии и относился к этому так же, как и ко всему в своей жизни — предельно серьезно. Среди этих его многочисленных и, как правило, добровольно взятых на себя обязательств было и участие в ежегодных экзаменах по древним языкам, и непереносимое посещение всех докладов гимназического кружка “Классика”, и выступления с лекциями перед гимназистами и учителями. Нелегко представить себе большого ученого, который бы с такой готовностью, как Александр Иосифович, читал гимназистам лекции о функциях латинского аблатива или слушал ученические доклады. Одно из заседаний кружка, которые он старался не пропускать, несмотря на тяжелую болезнь последних лет, он посетил совсем незадолго до своей смерти, в декабре 1999 г.

В течение всего времени существования гимназии Александр Иосифович был тем человеком, чье имя в первую очередь возникало в ситуациях, когда нужно было дать авторитетную оценку, найти выход из затруднительной ситуации или просто помочь советом. Репутацию мудреца, давно и прочно за ним закрепившуюся, не оспаривали и те, кто склонен больше полагаться на собственное суждение. Во всяком случае, в большинстве споров, касающихся древних языков и античности в целом, слово Александра Иосифовича, как правило, оказывалось решающим.

Так было, например, во время “бунта” по поводу греческого языка, случившегося на третьем году существования гимназии. Тогда группа родителей,

не вполне понимавших, для чего, собственно, нужен их детям греческий, выступила за его исключение из программы. В этот трудный момент Александр Иосифович нашел нужные слова и для своих коллег — преподавателей гимназии, и для родителей, чтобы объяснить, что гимназия не может учить

лишь вещам, нужным в практической жизни. Ее задача — научить мыслить и принимать решения, привить любовь и привычку к самостоятельной интеллектуальной работе, указать, на что следует ориентироваться в гражданской жизни. Для всего этого изучение античности и двух ее основных языков — вещь крайне важная, без которой классическая гимназия просто немислима.

Выражаю глубокую благодарность Людмиле Юрьевне Меньшиковой, напомнившей мне многие эпизоды участия Александра Иосифовича в гимназической жизни.

Решающую роль сыграло и мнение Александра Иосифовича об учебниках латинского и греческого языка, по которым сейчас преподают в гимназии. Среди привезенных из Германии нескольких комплектов учебников он выбрал именно “Janua nova” и “Прописи”, сочтя их достаточно трудными — т. е. *подходящими* — для наших гимназистов. Этот выбор отражал один из важных его взглядов на гимназическое обучение: “Учиться древним языкам, как и вообще учиться в школе, должно быть трудно”. Ведь иначе в гимназистах не выработается спасительное в их будущей самостоятельной жизни умение быстро ориентироваться в сложных ситуациях и преодолевать препятствия.

Вообще нам очень повезло, что в ответственный период формирования гимназии рядом с нами был человек, который, пожалуй, лучше других знал, *какой* она должна быть. Сама по себе идея возрождения классического образования никогда не умирала в нашем городе, хотя и оставалась долгие десятилетия лишь идеей. Поколению наших учителей она была передана их собственными учителями, Яковом Марковичем Боровским и Аристидом Ивановичем Доватуром, которые сами еще успели получить образование в дореволюционной гимназии. Александр Иосифович учился в обычной ленинградской школе и о классическом образовании, будь то в России или на Западе, мог знать только из книг или воспоминаний старших. Но именно у него близкая многим мысль о том, что в школе нужно возродить обучение двум древним языкам, превратилась в продуманное представление о том, каким требованиям должна отвечать новая российская гимназия.

Между тем в горячей атмосфере конца 80-х — начала 90-х гг., когда все дореволюционное приобрело огромный престиж, очень нелегко было найти правильные ориентиры и не начать “возрождать” все подряд — не только древние языки, но и телесные наказания, и закон Божий, и обязательную форму, и т. д. Александр Иосифович неоднократно возражал и устно, и письменно против идеализации дореволюционной гимназии. Так, например, он полагал, что из-за неправильного отбора в гимназию среди ее учеников

преобладали дети без выраженных познавательных интересов, средних способностей или просто тупые. Они, разумеется, не могли извлечь никакой пользы из обучения древним языкам, не выучивались им, мешали учиться немногим одаренным и интересующимся.

Нереальным считал он и возвращение к опыту Германии или Англии XIX — первой половины XX в., когда классическая гимназия была первой ступень-

кой будущей административной или политической карьеры:

Классическое образование в собственном смысле слова, основанное на изучении древних языков без малейших послаблений в занятиях точными науками, должно стать уделом одаренных детей из семей, в которых традиционные культурные ценности ставятся выше внешнего успеха в жизни. Классическая гимназия ни в коем случае не должна быть нормальным путем вверх по социальной лестнице — иначе ее мгновенно заполнят тупые и ленивые дети влиятельных родителей и классическое образование превратится в фикцию.

Общаясь с Александром Иосифовичем в 1988–89 гг., когда разрабатывался план организации гимназии, ее программа, учебная нагрузка и т. п., я не раз обсуждал с ним все эти вещи, и, хотя он никогда не навязывал своих идей, сейчас, оглядывая то, какой получилась гимназия, я могу сказать, что в главных своих чертах она соответствует его представлениям.

С самого первого набора в гимназию мы стремились организовать приемный конкурс так, чтобы он выявлял действительно способных детей из всех слоев общества, хотя сделать это было нелегко. Понятно, что именно нужно проверять при приеме в музыкальную, спортивную или математическую школу, но как организовать конкурс в классическую гимназию? Проверять знание латыни — невозможно, знание греческой мифологии — нелепо, ведь это может выучить каждый. В результате мы включили в конкурс задачи по математике, лингвистике и логике, которые должны были показать, насколько самостоятельно ученик способен размышлять, а не то, какие знания в него вложили в начальной школе. Из того, что могли знать наши будущие ученики, нас в первую очередь интересовали знания, почерпнутые самостоятельно, из книг, а не из школьных учебников. Идеалом был бы такой приемный тест, к которому в принципе нельзя подготовиться заранее, хотя это, кажется, так и осталось идеалом. Не возьмусь я и утверждать, что в семьях большинства гимназистов “традиционные культурные ценности ставятся выше внешнего успеха в жизни” — ведь гимназический тест проверяет учеников, а не родителей.

Привычная сейчас идея о том, что классическая гимназия опирается на два цикла дисциплин — древние языки и точные науки, — в конце 80-х вовсе не казалась самоочевидной филологам и историкам, создававшим эту школу. Наоборот, в стране возник огромный спрос на гуманитарное знание, советскую школу реформировали под знаком “гуманитаризации”, так что главный педагогический начальник Ленинграда, который и решал вопрос о начале нашего гимназического эксперимента, — посоветовал нам

убрать из учебного плана химию и добавить побольше музыки. (Этот поход “к высшему начальству”, в котором участвовали А. К. Гаврилов, А. И. Зайцев, Н. Н. Казанский и я, видимо, запомнился Александру Иосифовичу: он вспоминал об этом на вечере, посвященном десятилетию гимназии). Вполне естественно, что в программе большинства новых гимназий оказались мировая художественная культура, история театра, история культуры, краеведение, риторика и пр. Александр Иосифович, будучи филологом и историком культуры, считал тем не менее, что описательные дисциплины — в отличие от древних языков и математики — не могут научить гимназистов самостоятельно решать сложные интеллектуальные задачи, а следовательно, непригодны в качестве средства серьезного образования. В том, что мы тогда не поддались соблазну “гуманитаризации” и не заменили скучную алгебру симпатичным краеведением; есть и его немалая заслуга.

Не следует, впрочем, думать, что Александр Иосифович смотрел на классические языки лишь как на дополнительное к математике средство тренировки ума. Тренировать ум может любой древний язык, который изучается грамматически, — в отличие от новых, где большую роль играет память и способности к имитации, далеко не всегда совпадающие с умственными. Почему в таком случае не санскрит или иврит? Ставя развитие мышления на первое место среди задач классического образования, двумя другими Александр Иосифович считал “приобщение к духу европейской культуры и формирование реалистического политического мировоззрения”. Очевидно, что знание истории и культуры античности как нельзя лучше служит этим целям, ибо ее герои и ее ценности выдержали испытание временем и меньше других подвержены влиянию современности и национальных интересов. Тот, кто с молодых лет узнал о военных подвигах спартанских аристократов, о кипучей хозяйственной активности тиранов Поликрата и Писистрата, о судьбе Сократа, осужденного на смерть судом демократических Афин, о деятельной энергии римских чиновников и безумствах римских императоров, будет без особых иллюзий, т.е. *реалистически*, смотреть и на современные формы политической организации.

Совпадение многих черт устройства гимназии с тем, как представлял себе ее Александр Иосифович, разумеется, не означает, что всякая новая идея получала или должна была получить его санкцию. О многих вещах он высказывался мимоходом, часто уже после того, как видел их реализованными. Упомяну лишь одну из них.

Нам казалось естественным начинать гимназию со средней ступени, т. е. с шестого класса (а факти-

чески с пятого, так как в ходе предшествующих реформ один класс начальной школы куда-то выпал), и тогда же вводить преподавание латыни. Первый же год существования гимназии показал правильность этого выбора: латынь, поддержанная античной историей и культурой, шла “на ура”. (Замечу, что некоторые гимназии пытались ввести греческий с первого класса, либо, наоборот, латынь в десятом-одиннадцатом.) Александр Иосифович заметил как-то в разговоре, что, согласно психологическим исследованиям, пик познавательного интереса школьников падает именно на 12 лет (т. е. на наш шестой класс), а позже, как правило, уменьшается. Это в общем совпадало с моим собственным опытом преподавания истории в советской восьмилетке: именно в пятом (т. е. нашем шестом) классе школьники были отзывчивее всего к новым фактам и идеям, позже этот интерес ослабевал и нуждался в искусственном поддержании, тогда как в четвертом классе слишком много сил приходилось еще тратить на то, чтобы дети не отвлекались и правильно писали в тетрадках. Нелегко решить, что в данном случае важнее — непосредственный жизненный опыт, на который мы опирались, или объективный результат научного исследования, на который ссылался Александр Иосифович, придавая этому опыту теоретическое обоснование. Я думаю, что он одинаково ценил и то, и другое, особенно радуясь, когда их результаты совпадали. Стоит лишь заметить, что научная литература по школьной педагогике и психологии была им изучена со свойственной ему основательностью, причем задолго до того, как мечты о классической гимназии могли воплотиться в жизнь.

А. И. Зайцев на заседании гимназического кружка “Классика”

Александр Иосифович был одним из немногих людей, способных оценить гимназию не просто как одну из лучших школ Петербурга, а с точки зрения ее соответствия тому, каким вообще должно быть классическое образование. Место классической гимназии в современном обществе, роль, которую должны играть в нём ее выпускники и даже направление, в котором должно развиваться это общество, чтобы наш частный гимназический эксперимент мог быть удачным — все это было предметом его размышлений, бесед, статей. Способный смотреть на вещи широко, он предостерегал нас от того, чтобы непременно видеть в выпускниках гимназии будущих филологов-классиков. К несомненным достоинствам классического образования Александр Иосифович относил его универсальность, позволяющую с успехом применять полученные знания и навыки во всех сферах человеческой деятельности, в которых ценятся самостоятельная мысль и ответственные решения.

Оставаясь до конца своих дней тем, кем он был в течение сорока лет — преподавателем Петербургского университета, — Александр Иосифович в последнее десятилетие прочно связал свою жизнь с жизнью классической гимназии. Он делал для нее все, что мог и считал уместным, а значит — очень многое. Тот, кто общался с ним, знает, что пустых

мыслей у него не было и что слово его стоило дорого. Мне кажется очевидным, что на классической гимназии — такой, какой она в конечном счете сформировалась, — лежит мощный отпечаток его личности и его идей.

В старой России гимназии и училища часто называли по имени основателя, мецената либо первого директора (позже эта традиция сохранилась в именах многих научных институтов и театров). Александр Иосифович не был ни основателем, ни директором, ни тем более меценатом. Он был ученым, который разными путями ввел в исследование античности сотни людей и внушил им самоценность этого занятия. Он был учителем, который всей своей жизнью показал нам, сколь важен и нужен этот труд. Случайно ли, что из десятков заявленных классических гимназий в России состоялись лишь две — в Петербурге и Москве, — причем именно те, к формированию которых Александр Иосифович имел прямое отношение? Из всех имен, которыми могла бы быть названа Петербургская классическая гимназия, имя Александра Иосифовича Зайцева кажется мне самым достойным и самым уместным. Оно могло бы послужить гимназии не меньше, чем служил ей сам Александр Иосифович, — помогая ей сохранить все то, что должно быть сохранено, помогая ей *быть* классической гимназией.

А. И. Зайцев

Выступление на гимназическом вечере, посвященном 2000-летию со дня смерти Горация

Древние риторы своеобразную “полноту речи”, с точки зрения формально-стилистической, называли по-латыни *ubertas*. Так вот, по отношению к содержанию поэзии Горация тоже можно говорить о *ubertas* — об удивительном изобилии, многогранности и неоднозначности. Попробуем проследить это качество горацианской поэзии на нескольких примерах.

Пятая ода первой книги — обращение к неверной Пирре, изменившей поэту. “Наплачется тот, кто увлечется ею”. И тут же говорится: а те, кто пройдут или прошли мимо нее — те просто несчастны. Двадцать вторая ода первой книги — знаменитые

стихи, хочется думать, что некоторые из вас их уже читали. Помните: *Integer vitae scelerisque purus / Non eget Mauris iaculis neque argu...* (Для того, кто чист и нетронут жизнью, / Ни к чему, мой Фуск, мавританский дротик...)? Смотрите: чистый и нетронутый жизнью не нуждается во внешних средствах защиты.

И меня, когда по лесам сабинским,
Лалагу мою воспевая громко,
Я брожу один, невооруженный,
Волк обегает.

Гораций часто описывает преходящую, легкомысленную любовь, и тем не менее в определенные моменты он возвышается до мысли о том, что человека, который повторяет имя своей возлюбленной,

бродя по лесам, не посмеет тронуть даже свирепый лесной волк. Зачастую даже очень легкомысленные любовные стихотворения умеряются такими сентенциями. Такова ода III, 9, завершающаяся стихом: “Жить с тобою хочу и умереть любя”.

Седьмая ода второй книги обращена к Помпею Вару; и здесь Гораций, говоря о битве при Филиппах, упоминает Брута без малейшего элемента очернения. Это стихотворение перевел Пушкин:

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И ужас браней я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил...

У Пушкина Брут “отчаянный”. Нет “отчаянного” у Горация! Брут — предводитель войска (*Bruto militiae duce*); не мятежников предводитель, не смутьянов, а предводитель войска. И это в оде, где Октавиан Август сопоставляется с Меркурием — и все равно они оказываются в одном и том же стихотворении, в сущности, едва ли не на равных правах.

Четырнадцатое стихотворение второй книги, это знаменитое

Eheu, fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni...

О Постум, Постум, как быстротечные
Мелькают годы...

Приближается старость — хотя до нее Гораций по-настоящему не дожил. И дальше: “Мы все увидим черный, извилистый / Коцит, волною лениво плещущий...” Коцит — это “река воплей” в подземном царстве. Казалось бы, мрачность стихотворения беспредельна: завершить надеждой на вечную счастливую жизнь для праведных, на воскресение Гораций не может — христианства еще нет. И здесь мастерски картина дополняется — причем, казалось бы, еще одним мрачным элементом:

Возьмет наследник вина, хранимые
За ста замками, на пол расплещет он
Цекубских гроздий сок...

Да, наследник принесет материальный ущерб — но ведь это же пустяки по сравнению с тем, что придется увидеть Коцит. Это то, что называется антиклимакс: это ошибка разного рода отрицательных эмоций, и в итоге читательское восприятие оказывается обогащенным.

Одно из коронных стихотворений Горация — двадцатая ода второй книги, превращение в лебедя.

И вот как он говорит о своем превращении:

Уже я чую: тоньше становятся
Под грубой кожей скрытые голени.

И по-латыни это звучит достаточно прозаически: *iam iam residunt cruribus asperae / pelles*. Лебедь — лебедем, полет — полетом, а кожа грубая.

Я взял только, в сущности, один аспект творчества Горация. Содержание его од, а в действительности и посланий, и сатир, и эподов, неисчерпаемо не только для ума, но и для переживания, их можно снова и снова читать и ощущать душой все новые оттенки; но гораздо лучше это делается по-латыни.

Можно ли назвать поэта, который многосторонностью своего творчества напоминает Горация? Есть такой поэт, и он, может быть, даже в чем-то превосходит Горация; это Пушкин. Я боюсь, что неслучайно приходится преодолевать равнодушие к Горацию в то самое время, когда наблюдается падение заинтересованности творчеством Пушкина. Это явления, я боюсь, одного и того же порядка; это связано с уплощением, примитивизацией эмоционального восприятия. С этим надо бороться — причем вы находитесь в исключительно благоприятном положении. Посмотрите: ведь стихи Пушкина непередаваемы; они удивительно плохо звучат даже в лучших переводах на европейские языки, звучат бледно, иногда как пародия — и поэтому Европа признает Толстого, признает Достоевского, но не хочет знать Пушкина. Нам не нужны переводы Пушкина — но нам не нужны и переводы Горация; мы можем читать его в оригинале.

На этом я заканчиваю. Я сказал тысячную долю того, что следовало сказать о Горации.

1993

Золотой венок из Дервени (IV в. до н. э.)

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

Гораций. Ода I, 10

Перевод Александра Дистеля, 11 кл.

Mercuri, facunde nepos Atlantis,
qui feros cultus hominum recentum
voce formasti catus et decorae
more palaestrae,

te canam, magni Iovis et deorum
nuntium curvaeque lyrae parentem,
callidum quidquid placuit iocoso
condere furto.

Te, boves olim nisi reddidisses
per dolum amotas, puerum minaci
voce dum terret, viduus pharetra
risit Apollo.

Quin et Atridas duce te superbos
Pio dives Priamus relicto
Thessalosque ignes et iniqua Troiae
castra fefellit.

Tu pias laetis animas reponis
sedibus virgaque levem coerces
aurea turbam, superis deorum
gratus et imis.

Ловкий внук Атланта, хитрец Меркурий,
Ты смягчил людей первобытных нравы,
Обучил их речи и ввел обычай
Дивной палестры.

Я пою тебя как богов посланца,
Как отца изогнутой лиры славлю,
Хитрый, можешь ты, что б ни полюбилось,
В шутку упрятать.

А когда ты стадо увел обманом,
Аполлон тебе угрожал, ребенку,
Но, лишившись вдруг и колчана, грозный
Бог рассмеялся.

Илион покинув, Приам с дарами
Миновал огни фессалийской стражи,
Стан врагов-Атридов — и ты ему был
Сам провожатый.

Ты блаженных души в места отрады
Провожаешь, толпы теней бесплотных
Усмиряя жезлом, богам любезный
Вышним и нижним.

Фрагмент надписи в честь Столетних игр, устроенных Августом в 17 г. до н. э.
В третьей строке читается: "Carmen composuit Q. Horatius Flaccus..."

Л. Ю. Меньшикова, В. В. Зельченко

Кружок «КЛАССИКА»

В 1993 г. в стенах Санкт-Петербургской классической гимназии разместился *Античный кабинет* (*Bibliotheca Classica Petropolitana*). Сегодня, семь лет спустя, кабинет владеет прекрасным собранием книг по классической филологии и античной культуре, систематически проводит научные заседания, на которых выступают с докладами специалисты из стран Европы и Америки, издает журнал *Hyperboreus* и альманах «Древний мир и мы». Многие гимназические преподаватели древних языков, античной истории и литературы так или иначе связаны с *Bibliotheca Classica*, принимают участие в ее деятельности.

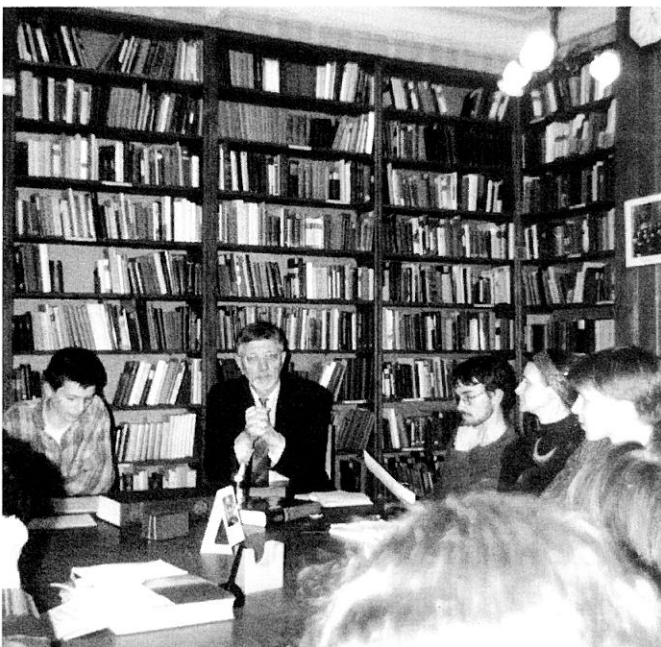
В 1996 г. при Античном кабинете был создан кружок «Классика», который объединил гимназистов, проявляющих интерес к научной работе в области классической филологии, и специалистов-антиковедов. Первое, организационное заседание кружка состоялось 18 мая; на нем были утверждены темы докладов и их научные руководители. Ученик десятого класса Александр Алексеев прочел свой перевод речи Лисия «Защита по делу об убийстве Эратосфена», выполненный под руководством пре-

подавателя гимназии Е. Л. Ермолаевой, которая одновременно являлась аспирантом кафедры классической филологии СПбГУ.

С тех пор кружок регулярно собирается один раз в месяц (впрочем, творческие кризисы у докладчиков приводят порой к нарушению графика). На заседаниях обычно присутствуют 20–25 человек: гимназисты, выпускники, учителя, сотрудники университетской кафедры классической филологии и других научных учреждений города. Официально в работе кружка участвуют ученики девятого — одиннадцатого классов, но среди слушателей нередко можно встретить и младших гимназистов. Так, на доклад Наташи Слюсарь «Проблема воли в гомеровском эпосе» пришли шестиклассники, изучавшие в это время «Илиаду» на уроках литературы; на заседаниях, посвященных Катулле и Горацию, присутствовали ученики 7-х классов, только что познакомившиеся со стихами этих поэтов по латинской хрестоматии.

За четыре с лишним года работы кружка гимназисты и выпускники сделали более двадцати сообщений на самые различные темы — от Гомера до

Петрония. При всем многообразии трактуемых сюжетов в работе кружка можно проследить ряд своего рода приоритетных направлений, которые особенно ценны для нас именно потому, что сформировались стихийно. Так, целый ряд докладов был посвящен истории античной культуры, быта и традиционных представлений: В. Завьялова попыталась реконструировать греческую детскую игру “хитринда”, уже упоминавшаяся Н. Слюсарь анализировала поговорку о “тени осла”, а Е. Дружинина взялась проверить, в самом ли деле греки стучали в дверь не только при входе, но и при выходе из дома. (В скобках заметим, что это утверждение, по сию пору встречающееся в научных и популярных книгах о частной жизни древних, было докладчицей решительно опровергнуто; расширенный текст этой работы будет опубликован в ближайшем выпуске альманаха “Древний мир и мы”). Гимназисты, интересующиеся биологией, охотно исследуют античные рассказы о животных — будь то фантастический единорог (С. Клейнер), рысь (А. Иванова) или сова (А. Нестеренко). Доклады, выполненные под руководством Е. Л. Ермолаевой и В. П. Казанскене, по обыкновению касаются вопросов этимологии и словоупотребления. В перечне тем, затрагивающих историю античной литературы, чаще всего встречаются имена авторов, которых гимназисты читают на уроках древних языков — Ксенофонт, Гомер, Катулл, Овидий, Вергилий, Гораций. Нередко идея будущего доклада рождается прямо во время школьных занятий: так, например, Алексей Андреев выступил с разбором пассажа из “Киропедии”, который привлек его внимание на уроке греческого.

Результатом совпадения научных интересов гимназиста Александра Дистеля и учителя М. М. Позднева стали два сообщения о Персии — одном из самых трудных для интерпретации латинских поэтов.

Главные, хотя и неписанные условия успешного доклада — это опора на источники (участникам заседания традиционно раздается hand-out с привлекаемыми для разбора текстами), аргументированность и, разумеется, оригинальность выводов: чисто описательных, а тем более реферативных сообщений на кружке почти не бывает. Работа над докладом обычно начинается с чтения литературы; многие гимназисты посещают Российскую национальную библиотеку, библиотеку Института истории и, конечно, пользуются книжным собранием Античного кабинета. Обязательной частью каждого заседания является дискуссия, которая подчас бывает не менее интересной, чем сам доклад — ведь послушать гимназистов порой приходят ведущие петербургские антиковеды. Так, непременным участником наших собраний был Александр Иосифович Зайцев (1926–2000), чьи вопросы и замечания оказывались для докладчиков особенно ценными.

Деятельность кружка “Классика” не ограничивается научными докладами учеников. По традиции, первое заседание в каждом учебном году посвящается отчетам о летних поездках: гимназисты, посетившие на каникулах Херсонес и Родос, школу разговорной латыни в Италии или летний лагерь объединения *Euroclassica* в Афинах, делятся своими впечатлениями. Завершается год, как правило, “взрослым” докладом об истории классического образования: так, А. К. Гаврилов рассказал гимназистам о *Schola Portensis* (одна из самых известных школ Германии, alma mater Виламовица, Ницше, многих других знаменитых ученых, философов и литераторов), Л. Ю. Меньшикова — о Шестой петербургской классической гимназии, а М. М. Поздnev — о Николаевской гимназии в Царском Селе и ее директоре И. Ф. Анненском.

В мае 1997 г. три наших докладчика (Д. Абдрахманова, Н. Слюсарь и О. Хомицевич) приняли участие в VII Сахаровских чтениях — общегородской научной конференции школьников (тезисы их докладов были опубликованы). В последние годы кружок активно и разнообразно сотрудничает со Студенческим научным обществом кафедры классической филологии СПбГУ; сотрудничество это тем более естественно, что многие преподаватели кафедры выступают руководителями докладов, а выпускники гимназии, избравшие своей специальностью классическую филологию (*in primis*

Е. Дружинина и Д. Кейер), продолжают участвовать в работе кружка. В ноябре 1997 г. СНО и кружок «Классика» провели совместное заседание, посвященное столетию со дня рождения А. И. Доватура; полтора года спустя четверо гимназистов (А. Дистель, Н. Евсеенко, А. Иванова, Ю. Хохлова) выступили на ежегодной университетской конференции студентов и аспирантов, по материалам которой был выпущен сборник тезисов.

В ближайших планах кружка — доклады об античном вегетарианстве и об одной гомеровской цитате у Плутарха; среди тем, предложенных преподавателями гимназии на следующий учебный год, — «Два Аякса в «Илиаде»», «Плутарх в римских драмах Шекспира», «Мотив «лебединой песни» в античной литературе», «Происхождение кентавров» и многие другие. Кружок продолжает работать и ждет новых участников — *fluctuamus nec mergimur*.

Доклады гимназистов и выпускников на заседаниях кружка «КЛАССИКА» в 1996–2000 г.

(в алфавитном порядке)

Абдрахманова Динара. Вергилий и Гораций: 4-я эклога и 16-й эпод (рук. С. А. Тахтаджян).

Алексеев Александр. Речь Лисия об убийстве Эратосфена: художественный перевод (рук. Е. Л. Ермолаева).

Андреев Алексей. К интерпретации *Xen. Cyrop.* I, 3, 10 (рук. В. П. Казанскене).

Дистель Александр. *Venusus liber Acci: Pers.* 1, 76–78 (рук. М. М. Позднев).
Педий “*fur*” и сенатор Педий: *Pers.* 1, 85–87 (рук. М. М. Позднев).

Дружинина Екатерина. Фрагмент Катуллы об Аталанте (рук. В. В. Зельченко).
Ἐνάγυκα ἀμφίπλολις (рук. А. К. Гаврилов).
Стук в дверь при выходе из дома? (рук. А. К. Гаврилов).

Евсеенко Наталья. Греческие авторы о эмбатериях (рук. Т. М. Андроненко).
Числительные в тексте “Метаморфоз” и “Тристий” Овидия (рук. В. П. Казанскене).

Завьялова Вера. Греческая детская игра χυτρίνδα (рук. В. В. Зельченко).

Иванова Анастасия. Мотив “рысей зоркости” в античности и средневековье (рук. В. В. Зельченко).*

Кейер Денис. Что означает название ἀποκοκύντωσις? (рук. А. К. Гаврилов).
Мотив одинокой смоковницы (рук. А. К. Гаврилов).
Знаки Зодиака у Петрония (рук. А. К. Гаврилов).

Клейнер Светлана. Единорог у греков (рук. Т. М. Андроненко).

Нестеренко Александр. Греческие авторы о совах (рук. В. П. Казанскене).

Слюсарь Наталья. Проблема воли в гомеровском эпосе (рук. А. Л. Верлинский).
Греческая поговорка о “тени осла” (рук. А. К. Гаврилов).

Хомицевич Ольга. Сабинское поместье в творчестве Горация (рук. Л. Ю. Меньшикова).

Хохлова Юлия. Χαῖρε, ὦ Χάρων: К вопросу об этимологии имени Χάρων и его употреблению в греческой и римской литературе (рук. Е. Л. Ермолаева).

Черноглазов Дмитрий. Народная этимология у Гомера (рук. Е. Л. Ермолаева).

Яминова Гюльназ. *Rigidi Getae: Hor. Carm.* III, 24, 11 (рук. С. А. Тахтаджян).*

* Доклад опубликован в этом номере “Абариса”.

Анастасия Иванова

выпускница 1999 г.

Мотив «рысьей зоркости» в античности и средневековье

1.

В монументальном труде Альберта Великого “О животных”, суммирующем достижения средневековой зоологии, о рыси сообщается, в числе прочего, следующее (XXII, 113): “Она обладает настолько зорким зрением, что, согласно рассказам поэтов, может проникать непрозрачные тела” (*perspicax oculis ita ut secundum poeticas fabulas corpora solida penetrat*). О том, что это животное способно видеть сквозь стену, неоднократно упоминают и другие средневековые латинские писатели, в частности, авторы бестиариев.¹ Поскольку это представление засвидетельствовано в ряду других рассказов о рыси, имеющих несомненные параллели в древних источниках, у исследователей не раз возникало предположение, что мотив всепроникающего рысьего зрения также имеет античные корни. Защитники этого тезиса указывали, во-первых, на греческого героя Линкея (*Λυγκεύς*), имя которого происходит от слова “рысь” (*λύγξ*) и которому уже в киклической поэме “Киприи” (fr. 5 *Bernabé*) приписывается способность видеть сквозь предметы;² во-вторых, на два поздних текста, которые на первый взгляд свидетельствуют об античном происхождении занимающего нас мотива.

Первый из них принадлежит галльской поэтессе Эвхерии, жившей, самое позднее, в VII в. н. э. Единственное стихотворение, дошедшее до нас под ее именем,³ представляет собой развернутый *тóπος ἀδυνάτου* — пространный перечень заведомо невозможных событий, которые могут произойти скорее, чем гордая Эвхерия даст согласие некоему *servus rusticus* (деревенщине), домогающемуся ее руки. Упоминание о рыси входит в состав следующего дистиха (ст. 19–20):

Altaque iungatur vili cum vulpe leaena,
Perspicuamque lyncem simius accipiat.

И пусть величественная львица соединится с ничтожным лисом, а самец обезьяны возьмет в жены... рысь

(эпитет рыси *perspicua* мы пока не переводим. — А. И.).

Приводя эти строки в своей книге “Античный животный мир”, Отто Келлер понимает прилагательное *perspicua* в активном значении: “видящий сквозь”, т. е. “тот, чей взор проникает предметы”.

Получается, что легенда о всевидящей рыси бытовала, по крайней мере, в VI–VII вв., а может быть, и ранее, — ведь Эвхерия широко использует мотивы античной поэзии.⁴ Интерпретацию Келлера приняли Август Штайер,⁵ а сравнительно недавно и Корнелия Цех, автор статьи “*Lynx*” в многотомном *Тезаурусе латинского языка*.⁶

Второй пример принадлежит еще более позднему времени: это отрывок⁸ из “Проповедей” (“*Collationes*”) Одона из Клуни (878 или 879–942):

Nam corporea pulchritudo in pelle solummodo constat.
Nam si viderent homines hoc quod subtus pellem est, sicut
lynces in Boetia cernere interiora feruntur, mulieres videre
nausearent.

...Ибо телесная красота заключена только в коже. В самом деле, если бы люди могли рассмотреть то, что скрыто под ней, — подобно тому как, говорят, рыси в Беотии способны видеть внутренности, — то при взгляде на женщину их бы тошнило.⁷

Упоминание о Беотии как будто свидетельствует в пользу того, что Одон опирается здесь на ка-

кую-то древнюю традицию. Так, историк латинской средневековой литературы Макс Маниций, отметив уникальность легенды о беотийской рыси, возводит ее к античности через посредство “Физиологов” — сборников, дающих аллегорическое христианское истолкование свойствам и повадкам различных животных;⁸ первые “Физиологи” относятся, как предполагают, к II–IV вв. н. э.⁹

В надежде проследить истоки этого любопытного представления мы решили рассмотреть античные свидетельства о зрении рыси. К нашему удивлению, оказалось, что речь нужно вести не о “свидетельствах”, а о свидетельстве — единственное достоверное сообщение о рысей зоркости, причем безо всякого намека на способность видеть сквозь стену, сохранилось у Плиния Старшего (XVIII, 122):¹⁰

Peregrinae sunt et lynces, quae clarissime quadrupedum omnium cernunt.

К числу чужеземных [животных] относятся также и рыси, которые видят зорче всех прочих четвероногих.

В научной литературе по нашему вопросу можно встретить указания на пассаж из поэмы Оппиана

“Кинегетик” (т. е. “О псовой охоте”), относящейся ко II в. н. э.; однако при ближайшем рассмотрении этих стихов мы пришли к выводу, что традиционная их интерпретация нуждается в пересмотре (III, 96–98):

Ἐξοχα δ' αὖ τὰδε φῦλα φίλην ἀγάσαντο γενέθλην,
εὖγληνοι λύγγες τε πυρίγληνοὶ τε λέοντες
πορδάλιες τ' ὄλοαὶ καὶ τίγριες ἠνεμόεσσαί...

Особенно возлюбили свое потомство следующие [виды животных]: рыси с прекрасными глазами, и огнеглазые львы, и гибельные леопарды, и стремительные, как ветер, тигры...

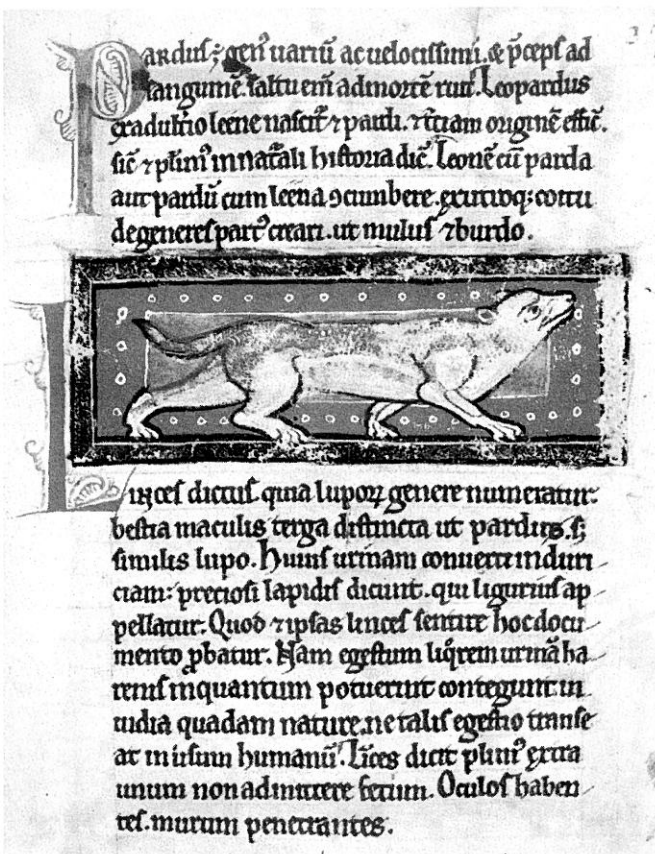
Проблема здесь в том, как понимать прилагательное *εὖγληνος*. Дословно оно означает ‘обладающий хорошими глазами’. Впервые это слово употреблено в “Александре” Ликофрона, поэта III в. до н. э., применительно к лебедям (ст. 597). У Оппиана оно встречается еще два раза. В пассаже I, 144 эпитетом *εὖγληνοι* наделяются телки (δαμάλαι) — здесь очевидно, что речь идет не о зорких, а о красивых, ясных глазах (схолии перефразируют: *εὖοφθαλμοί*). Во второй раз Оппиан пользуется словом *εὖγληνος*, рассказывая о том, как можно отличить щенка, из которого вырастет хороший охотничий пес (I, 402–403):

Μηκεδανόν, κρατερὸν δέμας ἄρκιον, ἠδὲ κάρηνον
κοῦφον, εὖγληνον· κυαναὶ στίλβοιεν ὀπλοαί.

Длинное, довольно сильное тело, а голова легкая, с хорошими глазами: пусть темные зрачки сверкают.

Разумеется, блеск собачьих глаз должен, по мысли Оппиана, свидетельствовать не только о здоровье, но и о хорошем зрении; однако речь в нашем отрывке идет о *внешних* признаках, которыми нужно руководствоваться при выборе щенка, а значит, исходное значение *εὖγληνος* здесь — “с ясными, сверкающими (а не с зоркими) глазами”. Это помогают понять слова *κυαναὶ στίλβοιεν ὀπλοαί*, а также параллельное место из “Кинегетика” Ксенофонта (4, 1), который служил Оппиану источником.

По всей видимости, и в стихах о рыси *εὖγληνοι*, стоящее в одном ряду с *πυρίγληνοι*, должно переводиться как “обладающий блестящими глазами”. Вероятно, это вариация эпитета *χαρολός* — стандартной характеристики диких зверей в античной поэзии начиная с Гомера. Между прочим, согласно словарю Лиделла — Скотта — Джонса, именно в таком значении употребляет *εὖγληνος* и современник Оппиана Марцелл Сидет, автор частично сохранившейся поэмы о рыбах; в значении ‘зоркий’ это слово впервые засвидетельствовано только у Григория Назианзина, жившего двумя столетиями позже.¹¹

Рысь. Бестиарий XII в. (Англия) из собрания Российской национальной библиотеки (Фото из кн.: Средневековый бестиарий. М., 1984)

2.

Обратимся теперь к мифу о Линкее. Авторы этимологических словарей единогласно признают это имя зоофорным, возводя его к *λύγξ*. Греческая мифология знает нескольких Линкеев, но способностью видеть сквозь предметы обладал только один из них —

начал добывать из-под земли руду металлов. Как пишет Гигин (*Fab.* 14), “из-за того, что Линкей спускался под землю и тотчас обнаруживал золото, и возник слух, будто он научился видеть под землей”. Аналогичное объяснение приводится в схолиях к “Плутосу” Аристофана (к ст. 210), а также у Палефата в его собрании эвгемерических интерпретаций мифов (гл. 9).

Аттический чернофигурный килик VI в. до н. э. Эрмитаж

сын Афарея и брат Идаса, который участвовал в Калидонской охоте, был впередсмотрящим у аргонавтов и погиб вместе с братом в поединке с Диоскурами. Поскольку какая-то связь с рысью (через острые глаза) имеется только у него, а у других Линкеев ее нет, то можно предположить, что мотив зоркости в мифе, скорее всего, вторичен: Линкею были приданы такие необыкновенные черты для объяснения его имени. Это значит, что о рысьем зрении эллины все-таки знали, и при том уже в весьма раннюю эпоху (*terminus ante quem* — “Киприй”).

Чаще всего античные писатели упоминают о зоркости Линкея в связи с тем эпизодом, когда ему удалось увидеть Диоскуров, спрятавшихся в дупле дуба. После “Киприй” этот мотив встречается у Пиндара в 10 Немейской оде (ст. 61 слл.), у Псевдо-Аполлодора (III, 11, 2) и других авторов. О способности Линкея проникать взором землю говорят Аполлоний Родосский (I, 153–155), Валерий Флакк (I, 460–467), тот же Псевдо-Аполлодор (III, 10, 3) и др.; в “Орфической аргонавтике”, автор которой развивает краткое упоминание Аполлония, Линкей видит даже “потоки подземного Плутона” (ст. 183). Позднее этому феномену попытались подыскать рациональное объяснение; согласно популярному толкованию, Линкей — это человек, который первым

Отдельного экскурса заслуживает свидетельство Плиния Старшего, который объясняет миф о зоркости Линкея иначе (II, 78):

Lunam <...> novissimam vero primamque eadem die vel nocte nullo alio in signo quam Ariete conspici; id quoque paucis mortalium contigit, et inde fama cernendi Lynceo.

И исчезающий старый месяц, и только появляющийся молодой в один и тот же день или ночь нельзя увидеть ни в каком другом созвездии, кроме Овна; даже и это удавалось немногим из смертных, и отсюда молва о зрении Линкея.

Жан Божо в комментариях ко второй книге Плиния приводит как параллель к этому месту пассаж из “Аргонавтики” Аполлония (IV, 1478–1482; перевод Г. Ф. Церетели): “...А Геракла как будто / Издали видел Линкей одного среди земли необъятной, — / Видел он так, как те люди, что в день новолуния месяц / Часто иль видят, иль мыслят, что видели, словно в тумане” (... ὡς τις τε νέφ' ἐνὶ ἡματι μήνην / ἢ ἴδεν ἢ ἐδόκησεν ἐπαχλύουσαν ἰδέσθαι...)¹² Божо считает, что Аполлоний и Плиний представляют альтернативную традицию в эвгемерическом истолковании удивительных способностей Линкея.¹³ Между тем, на наш взгляд, у Аполлония истолкования как такового нет, а есть поэтическое

сравнение: покинувший аргонавтов Геракл находится так далеко, что даже зоркий Линкей, стремясь его разглядеть, вынужден изо всех сил напрягать зрение, как человек, который пытается первым увидеть появление новой луны. Мы предполагаем, что “Аргонавтика” явилась прямым источником Плиния; видимо, не до конца поняв текст, римский автор превратил этот мотив в объяснение. Знакомство Плиния с поэмой Аполлония подтверждается прямой ссылкой на IV книгу “Аргонавтики” в “Естественной истории” (XXXVII, 32); кроме того, в списке источников к III книге Плиний упоминает поэта-неотерика Варрона Атацинского, который перевел “Аргонавтику” на латынь. Добавим также, что этот пассаж Аполлония пользовался известной популярностью в римской литературе: так, его перефразирует Вергилий в “Энеиде” (VI, 451–454), говоря о тени Дидоны, которую с трудом узнает в Аиде Эней. Таким образом, предположение о том, что Плиний неверно истолковал Аполлония, кажется нам вероятным — хотя механизм ошибки римского энциклопедиста и остается непроясненным.

Упоминания об остром зрении Линкея можно найти не только у поэтов и мифографов, но также и в античной фразеологии. Идиомы *Λυκείως ὀμοίως* и *Λυκείως ὀξύτερον βλέπει* приводятся в византийских сборниках греческих пословиц, составивших *Corpus Paroemiographorum Graecorum* (App. prov. III, 70—71; IV, 30). Эта поговорка широко бытует в античной литературе от Аристофана (“Плутос”, ст. 210) до Рутилия Намациана (I, 611). Именем Линкея называли даже особое лекарство для глаз (см. словарь Лиделла — Скотта — Джонса, s. v. *λυκείως*). Сравнение “зоркий, как Линкей” употреблялось не только в обыденной речи, но и в ученых трактатах: в отрывке из “Физики” Посидония, сохранившемся в пересказе Клеомеда (*Posid. fr. 290a Theiler = Cleomed. 124, 20 Ziegler*), говорится, что если бы люди могли смотреть сквозь стену, как Линкей, то Солнце, видимое таким образом, казалось бы им больше. Образ зоркого сына Афарея нередок и в философски-моралистическом контексте: в частности, им пользовался Аристотель в недошедшем до нас сочинении “Протрептик” (“Увещание”; fr. 59 Rose³). Об этом свидетельствуют параллельные места в “Протрептике” Ямвлиха (гл. 8), который основывается на книге Аристотеля, и в “Утешении философией” Бозция (III, 8):

Quod si, ut Aristoteles ait, Lyncei oculis homines uterentur, ut eorum visus obstantia penetraret, nonne introspectis visceribus illud Alcibiadis superficie pulcherrimum corpus turpissimum videretur?

Что, если, как говорит Аристотель, люди обладали бы глазами Линкея, так что их зрение проникало бы сквозь преграды, — разве пресловутое тело Алкивиада, столь

прекрасное снаружи, не показалось бы им, после созерцания внутренностей, в высшей степени отвратительным?

Подведем предварительный итог. Представление о всепроницающем зоре Линкея было, как видим, очень популярно в античном мире. Между тем сведений о зоркости рыси нет ни во фразеологии, ни вообще нигде за рамками специального труда Плиния. Рысь не раз упоминается в античной поэзии, прежде всего как спутница Диониса—Вакха, однако среди ее украшающих эпитетов (“пестрая”, “робкая”, “свирепая”) мы не встретим ни одного, связанного с острым зрением.

Этот вывод помогает интерпретировать редкое слово в одной из эпиграмм Посидиппа, описывающей гемму искусной работы (*Anth. Pal. Append. III, 79, 1–4 Cougny*):

... Τὸ δὲ γλυφὲν ἄρμα κατ' αὐτοῦ
τοῦθ' ὑπὸ Λ(λ?)υκείου βλέμματος ἐγλύφετο.

... А эта резная колесница на нем (на камне. — А. И.) была вырезана с Линкеевой (рысьей?) зоркостью.

Как понимать прилагательное ΛΥΓΚΕΙΟΣ? С одной стороны, издатель Приложения к Палатинской антологии Э. Куньи предлагает написание со строчной буквы (“рысий”); такая трактовка принята и в словаре греческих личных имен Папе — Бензелера, а также в Дополнениях к словарю Лиделла — Скотта — Джонса, выпущенных Э. А. Барбером. С другой стороны, в основном тексте этого словаря, а также у Э. С. Ф. Гау в комментарии к нашей эпigramме¹⁴ Λύκειος — с прописной буквы — переводится как “Линкеев”. Со словообразовательной точки зрения обе интерпретации допустимы: наше прилагательное могло быть образовано как от *λύγξ* (ср. *ἀλώπηξ* → *ἀλωπήκειος*), так и от *Λυκείως* (ср. *Ἀχιλλεύς* → *Ἀχιλλεῖος*). Прилагательное *λύκειος* ‘рысий’ засвидетельствовано в одной из надписей (IG VII, 3062, 5; речь идет о рысьей шкуре), а *Lynceus* ‘Линкеев’ у Овидия (*Fast. V, 709*). Но поскольку, как мы видели, античная идиоматика знает только Линкея, а не рысь, то более вероятно, что Посидипп здесь сравнивает зоркого резчика, уместившего на маленьком камне изображение колесницы, именно с сыном Афарея.

3.

Вернемся теперь к сочетанию *perspicua lynx* из стихов Эвхерии. Заглянув в словарь, мы убедились, что *perspicuus* всегда имеет не активное, а пассивное значение: не ‘зоркий’ (в отличие от *perspicax*), а ‘тот, сквозь которого можно смотреть’, а также ‘притягивающий взгляды, видный, красивый’. Более того, в той же элегии это слово встречается еще

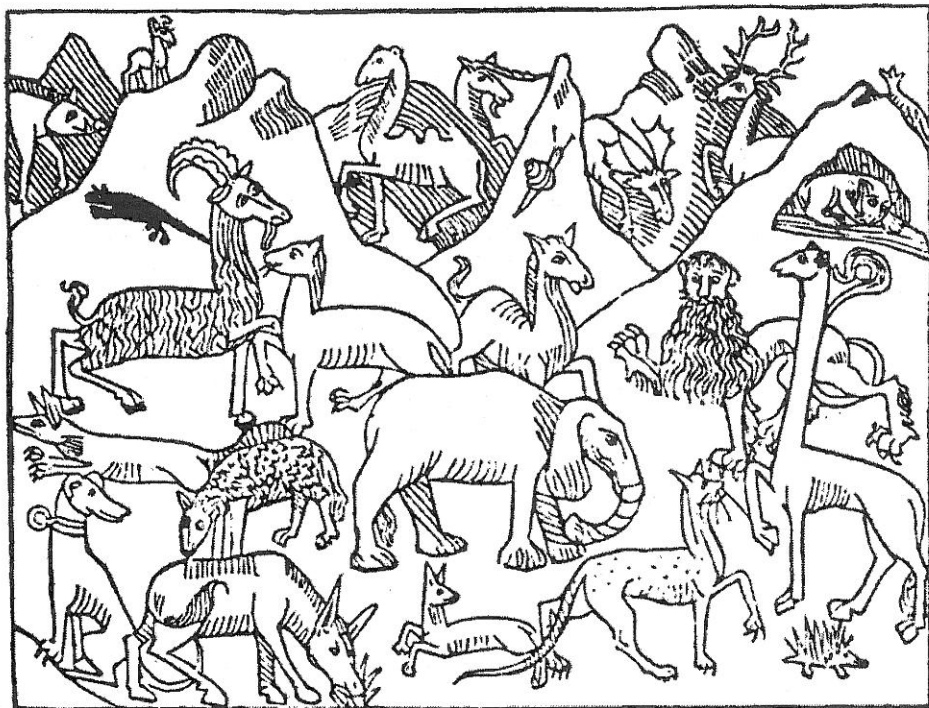
раз (ст. 29) — теперь оно применено к куропатке, которая никогда не сойдется с ужасной (*tristis*) совой. Если согласиться с О. Келлером, то придется предполагать, что и куропатку древние наделяли всепроницающим зрением. Итак, *perspicua lynx* следует понимать именно как “красивая”: пестрая рысь противопоставляется уродливой обезьяне — мы помним, что стихотворение Эвхерии представляет собой череду антитез. Келлер, по-видимому, руководствовался цитатой, вырванной из контекста, и потому сделал неверный вывод о значении *perspicuus*.

А как быть с беотийской рысью Одона? Убе-

ственных сведений о рысях, а был лишь искаженный традицией текст Бозция. Это позволило П. Курселю предположить, что на самом деле Одон написал не *in Boetia* (“в Беотии”; обратим внимание на эту средневековую орфографию!), а *in Boetio* (“у Бозция”). В поддержку этой конъектуры укажем, что в поздней латыни получила распространение невозможная в классическую эпоху конструкция *in* + имя автора (напр., *in Vergilio* — “в таком-то месте Вергилия”).¹⁷

Итак, у нас нет никаких оснований считать, будто древние верили во всепроницающее зрение рыси. Конечно, зоркость Линкея связана с зоркостью зверя, который дал ему имя, — однако это не означает, что если сын Афарей мог видеть сквозь стены, то и рыси в античности приписывали такую же способность. В мифе о Линкее мы имеем дело с дальнейшим развитием верного, в сущности, представления о зоркости рыси¹⁸ в духе гиперболы. Сам мотив “рысьего зрения”, пусть и не феноменального, оказался засвидетельствован на удивление скупо — только у Плиния; остальные примеры пришлось по разным причинам отклонить. Получается, что это представление было широко распространено в те времена, когда оформлялся миф о зорком Линкее, а потом практически исчезло; повсюду за пределами специальной зоологической литературы Линкей вытесняет рысь.

Почему это произошло? Как с осторожностью можно предположить, дело в том, что с наступлением цивилизации

Рысь среди других животных.

Иллюстрация к трактату Варфоломея Английского (XIII в.)
“De proprietatibus rerum” в издании 1482 г.

дательное, на наш взгляд, разрешение этой загадки было найдено Пьером Курселем в монографии, посвященной влиянию “Утешения философией” на средневековую латинскую словесность.¹⁵ Прямым источником Одону послужили не “Физиологи”, а куда более близкий и знакомый текст Бозция, приведенный нами выше. Надо сказать, что в рукописях “Утешения...” наряду с *Lyncei* встречается вариант *lynceis* — т. е. неизвестное античной латыни прилагательное ‘рысьи’, согласованное с *oculis*. Языческий герой Линкей в средние века был уже менее понятен, чем рысь, и переписчики исправляли неясное собственное имя на ясное нарицательное.¹⁶ Это упрощенное чтение долго являлось общепринятым: оно приводится еще в *Patrologia Latina* Ж.-П. Миня. Таким образом, у клюнийского аббата не могло быть соб-

рысь, которая может жить только в глухих местах, становилась для греков и римлян все более экзотическим животным. Так, Еврипид в “Алкестиде” (ст. 579) и Каллимах в гимне к Артемиде (ст. 89) упоминают о рысях в Фессалии и Аркадии resp., только когда речь идет о баснословных временах детства Артемиды или службы Аполлона у Адмета. Напротив, согласно “Кинегетику” Ксенофонта (11, 1) — охотничьему руководству, имевшему практическое значение, — рысь можно встретить лишь в “чужеземных странах”, а точнее, на самом севере Балканского полуострова и в Малой Азии. У Ксенофонта, как и у Оппиана в разобранных выше стихах, рысь названа в одном ряду с такими не самыми привычными эллину зверями, как львы и леопарды.

¹ См., напр., комментированное факсимильное издание английского бестиария XII в. из собрания Российской национальной библиотеки: Средневековый бестиарий / Автор статьи и комментариев К. Муратова. М., 1984. С. 120.

² Так, Анджело Де Губернатис в своем труде "Мифология животных" прямо относил мотив чудесной рысьей зоркости к античности, ссылаясь именно на миф о Линкее и ставя знак равенства между ним и рысью: *A. De Gubernatis. Zoological Mythology, or The Legends of Animals. Vol. 2. London, 1872. P. 54, n. 3.*

³ *Poetae Latini Minores / Rec. et emend. Aem. Baehrens. Vol. 5. Lipsiae, 1883. P. 361–363.*

⁴ *O. Keller. Die antike Tierwelt. Bd 1. Leipzig, 1909. S. 84.*

⁵ *A. Steier. Lynx // RE. 1927. Bd 13. Sp. 2475.*

⁶ *Thesaurus linguae Latinae. Vol. VII, 2. Lipsiae, 1979. Col. 1948.*

⁷ *Patrologiae cursus completus / Accurante J.-P. Migne. Series Latina. Vol. 133. Col. 556. [Примеч. ред.: Подробнее о жизни и деятельности св. Одона (настоятеля и реформатора Клюнийского аббатства, при котором оно стало одним из самых влиятельных религиозных центров Европы) см.: Л. П. Красавин. Монашество в Средние века. М., 1992. С. 86–89. Строки о боетийской рыси с их мрачной образностью — едва ли не самый знаменитый пассаж из многочисленных сочинений Одона; так, их цитируют авторы двух, пожалуй, наиболее популярных сегодня книг о средневековой культуре — Йохан Хейзинга (*Й. Хейзинга. Осень средневековья. М., 1988. С. 152*) и Умберто Эко в романе "Имя розы" (ч. 5, гл. 4)].*

⁸ *M. Manitius. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd 2. München, 1923 (Nachdr. — 1976). S. 22.*

⁹ Физиолог / Изд. подгот. Е. И. Ванеева. СПб., 1996. С. 5.

¹⁰ О сочетании *λύγκειον βλέμμα* в эпиграмме Посидиппа см. ниже.

¹¹ См.: *A Patristic Greek Lexicon / Ed. by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961, s. v.*

¹² Во время обсуждения этого доклада на заседании кружка "Классика" Д. В. Панченко заметил, что Аполлоний описывает не досужее состязание в зоркости, как это может показаться на первый взгляд, но процедуру, важную для точного соблюдения лунного календаря.

¹³ *Pline L'Ancien. L'Histoire Naturelle. Livre II / Texte ét., trad. et comm. par J. Beaujeu. Paris, 1950. P. 166, n. 1.*

¹⁴ *The Greek Anthology: Hellenistic Epigrams / Ed. by A. S. F. Gow and D. L. Page. Vol. 2: Commentary. Cambridge, 1965. P. 500.*

¹⁵ *P. Courcelle. La consolation de philosophie dans la tradition littéraire: Antécédents et postérité de Boèce. Paris, 1963. P. 258, n. 4.*

¹⁶ Точно такое же разночтение находим и в тексте сатир Горация (I, 2, 90–91: *ne corporis optima Lyncei / contemplare oculis*), где одно из рукописных семейств (ΨК) дает *lynceis*.

¹⁷ *Thesaurus Linguae Latinae. Vol. VII, 1. Lipsiae, 1988. Col. 769, 20–23 (s. v. in). [Прим. ред.: Заметим, что по сравнению с источником фраза Одона содержит еще одно "упрощение": малопонятный Алкивиад становится абстрактной прекрасной дамой. Эта ошибка также имеет свою любопытную историю. Еще в "Балладе о дамах былых времен" Франсуа Вийона (вторая половина XV в.) в числе легендарных античных красавиц упоминается некая *Архириада* (Archipiades) — т. е. Алкивиад из приведенного пассажа Бозция.]*

¹⁸ Рысь и в самом деле хорошо видит (а еще лучше слышит), однако другие представители семейства кошачьих ничуть не уступают ей в зоркости. Поговорка о "рысьих глазах" есть во многих новых языках — в частности, в английском и русском.

Anastasia Ivanova

The Motif of the 'Keen-Sighted Lynx' in Antiquity and the Middle Ages

This paper attempts to determine whether the widespread medieval idea that lynxes can see through walls and other solid objects has its roots in antiquity.

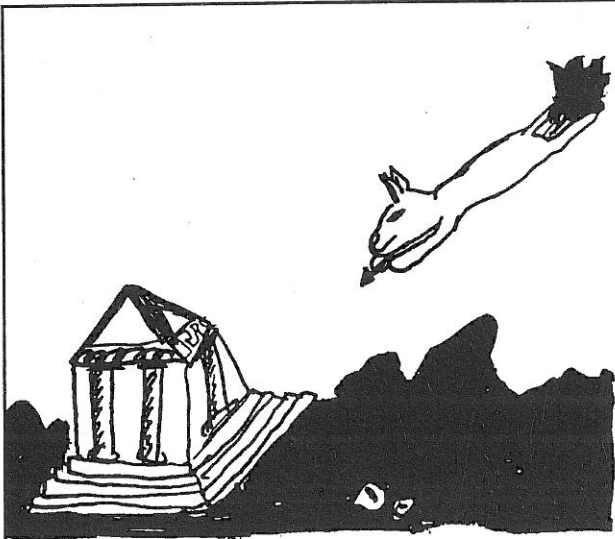
In their investigation of this question, the writers began, first of all, from the existence of Lynceus, a mythological figure whose name derives from the Greek word *λύγξ* 'lynx' and to whom the ancient authors ascribed an ability to see through objects, and, secondly, from two later texts (Eucheria PLM 5, p. 362, 19–20 and Odo Cluniensis PL 133, 556) which appear to provide evidence of the ancient roots of the motif.

From our examination of the ancient records dealing with Lynceus we have discovered that while the idea of his all-penetrating vision, first attested in *Cypria*, was a very popular one in antiquity, there is no mention of the lynx's keen sight either in idiomatic language or even in specialist literature, apart from Plin. *NH* XVIII, 122; other alleged references, such as Oppian. *Cyneget.* III, 97 and Posidipp. *AP Append.* III, 79, 4 Cougny, had to be discounted.

In the poem by Eucheria *perspicua lynx* should be translated not as 'the one who can see through' (pace O. Keller) but with the usual passive meaning of the adjective *perspicuus* as 'attracting glances', 'conspicuous' (cp. 29). In Odo PL 133, 556 Pierre Courcelle's conjecture ('in Boetio' instead of 'in Boetia') should be taken as correct: the passage Boet. *Cons. Phil.* III, 8 deriving from Aristotle served as a source to Odo and, furthermore, in Boetius' *Consolation* Odo had read 'lynceis oculis' (a variant generally used in his day; cp. Hor. *Serm.* I, 2, 90) instead of 'Lyncei oculis', which lead to the replacement of Lynceus with lynx.

Consequently, the idea that the lynx can see through walls belongs entirely to the Middle Ages. Moreover, we found only one mention of the merely sharp rather than supernatural eyesight of the lynx in the classical literature (in a passage of Pliny). This means that the conception of the keen-sighted lynx, which is likely to have been widespread at the time when the myth of Lynceus was taking shape, subsequently all but disappeared: Lynceus replaced the lynx. It is possible that this happened because the lynx had become a rare animal in Greece with the progress of civilization (cp. Xen. *Cyneget.* 11, 1).

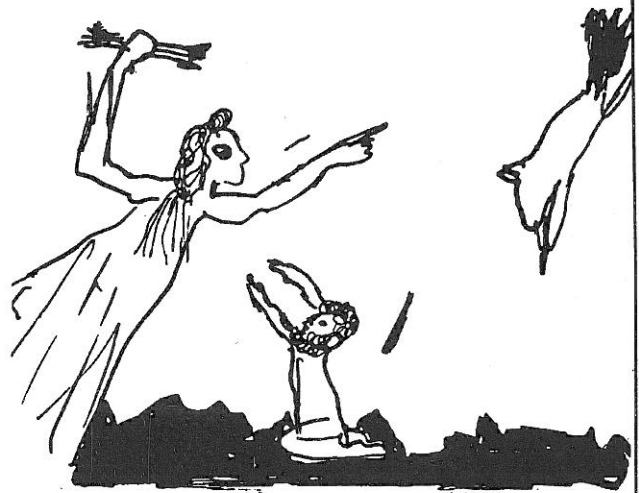
АВАРИДЕА

Авариса была белая кошка Флама. Однажды Флама полетела в Дельфийский оракул на стреле Аполлона. Была гроза, и Флама задела по дороге молнию. Загорелся хвост. Он поджег стрелу.

моя стрела! — вскричала Аполлон, увидев это, и позвал Авариса.

Аварис дотронулся до хвоста кошки, и ~~он~~ хвост перестал гореть, но он стал чёрный, такой же, как рука Авариса. До чего ни дотронется рука Авариса или хвост Фламы — всё становится чёрным.

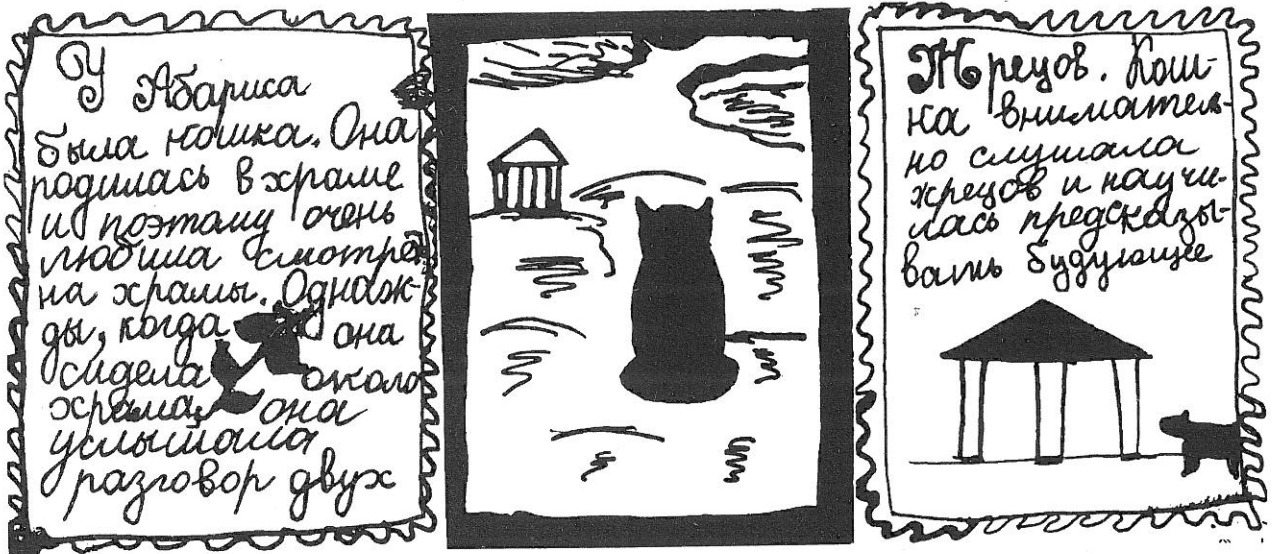
На чёрном фоне исчезли чёрные фигуры — потребовалось изобрести краснофигурный стиль.

Ямвлих, "О пифагорейской жизни", 90-91:

"Αβάρης ὁ Σκύθης ἐξ Ὑπερβορέων... ὡς λόγος, καθαρμούς τε ἐπέτελει καὶ λοιμοὺς ἀπέδιωκε καὶ ἀνέμους ἀπὸ τῶν εἰς τοῦτο ἀξιουσῶν πόλεων βοηθὸν αὐτὸν γενέσθαι.

Абарис, скиф из земли гиперборейцев, ...как рассказывают, совершал очистительные обряды, а также отвращал мор и непогоду от городов, которые просили его о помощи.

Маша Курочкина, 5 класс

Ликург, фрагмент 14, 5а из "Речи против Менесехма":

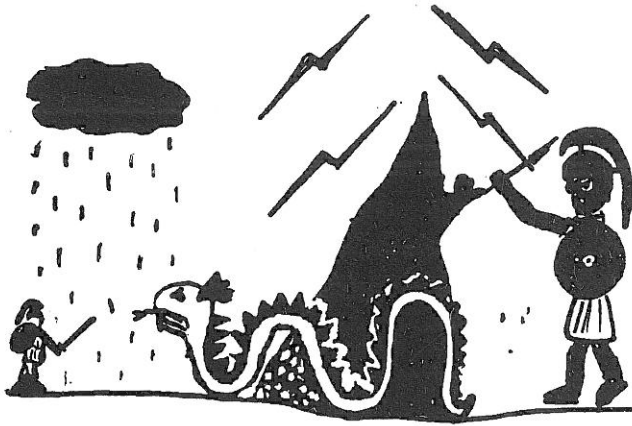
Λοιμοῦ γενομένου ἐν τοῖς Ὑπερβορείοις ἐλθὼν ὁ Ἄβαρις ἐμισθώτευσε τῷ Ἀπόλλωνι, καὶ μαθὼν χρησμοὺς παρ' αὐτοῦ, σύμβολον ἔχων τὸ βέλος τοῦ Ἀπόλλωνος περιήει ἐν τῇ Ἑλλάδι μαντευόμενος.

Когда у гиперборейцев случился мор, Абарис, явившись к Аполлону, нанялся к нему в служители и, научившись от него предсказаниям, стал ходить по Элладе и пророчествовать, нося с собою Аполлонову стрелу вместо верительной грамоты.

Катя Данини, 7 класс

◆ Однажды Аполлон явился Абарису во сне и сказал, что он умрет из-за гантели. Абарис целую неделю искал в доме гантели и выбрасывал их из дому. Аполлон следил за Абарисом и сделал его доверчивостю. ∞

Однажды, когда Абарис охотился в лесу, Арес вышел на прогулку. Он увидел Абариса и подумал, что это его заклятый.

Ямвлих, "О пифагорейской жизни", 136:

Αἰθροβάτης δὲ τὸ Ἀβάριδος [ἐπώνυμον], ὅτι ἄρα οἰστῶ τοῦ ἐν Ὑπερβορείοις Ἀπόλλωνος δωρηθέντι αὐτῷ ἐποχοῦμενος ποταμούς τε καὶ πελάγη καὶ τὰ ἄβατα διέβαινεν...

Прозвище Абариса — "Небоход", потому что он, сидя верхом на стреле, подаренной ему Аполлоном Гиперборейским, перелетал через реки, моря и непроходимые места.

Андрей Курочкин, 5 класс

Ася Романова, 5 класс

Однажды Аполлон подарил Абарису мидзы, так как Абарис плохо видел. Не разглядев их Абарис уронил их в воду священного источника имени Аполлона. Когда же Абарис поймал их в воду и вставил, у него появился дар провидения.

RIGIDI GETAE

Геты — фракийское племя на Истре и нижнем Дунае. Конгломерат племен в северной Фракии состоял из двух основных племен — гетов и даков; Страбон сообщает о них (VII, 3, р. 304–305): “Одних жителей этой страны называют дакийцами, других — гетами; гетами — тех, кто обращен к Понту и на восток, а дакийцами — обращенных в противоположную сторону, к Германии и истокам Истра. [...] Дакийцы и геты говорят на одном языке”. Грекам приходилось в основном иметь дело именно с гетами, которые были их непосредственными соседями, и поэтому название *Гётал* применялось ко всем обитателям северной Фракии. По словам Геродота (IV, 93) “геты считают себя бессмертными, это самое честное и храброе из фракийских племен”.

О гетах писали и многие римские авторы, например, Овидий. В “Метаморфозах” он поселяет в Скифии богиню голода (*Fames*); именно туда отправляет Церера сельскую ореаду, чтобы та передала Голоду поручение богини — мучить Эрисихтона (VIII, 788–813). Здесь Овидий рисует поэтический образ далекой Скифии, мрачной и бесплодной страны. На это описание повлияло стереотипное в римской поэзии представление о пустынности северо-западных земель.

В 8 г. до н. э. Овидий был сослан в Томы, город на северном побережье Черного моря. После рас-

ставания с Римом жизнь в Томах кажется ему невыносимой. В элегиях и посланиях поэт описывает все происходящее с ним так, чтобы разжалобить своих римских читателей. Постепенно проявляются три темы жалоб: удаленность от Города, военная опасность и суровый климат.

Геты упоминаются Овидием то как простые местные жители, то как враги, нападающие на мирный город. Поэт сознательно не разделяет две эти ипостаси, стремясь искусственно создать у читателя возможно более мрачное впечатление дикости и воинственности окружающих его людей. Это не случайно: ведь Овидий до конца своих дней мечтал вернуться в Рим или по крайней мере перебраться к нему поближе; поэтому он позволяет себе сгущать краски.

Описание жителей Том в V книге “Тристий” созвучно с общим тоном произведений Овидия периода изгнания (7а, 15–18):

In quibus est nemo, qui non coryton et arcum
telaque vipereo lurida felle gerat.
Vox fera, trux vultus, verissima Martis imago,
Non coma, non ulla barba resecta manu.

Среди них нет никого, кто не носил бы колчана, лука и стрел, смертоносных из-за змеиного яда. Дикий голос, страшное лицо — настоящее подобие Марса; ни волосы, ни борода не подстрижены ничьей рукой.

Своей цели Овидий не добился: Август умер, так и не помиловав его, наследник же Августа Тиберий не интересовался судьбой поэта. Постепенно тон стихотворений Овидия меняется. Теперь он уже не с таким отвращением относится к местным жителям. В одном из посланий (*Pont. IV, 14, 51–56*) поэт сообщает, что его наградили освобождением от налогов. К этому времени относится и свидетельство Овидия о том, что он написал поэму на гетском языке (*Pont. IV, 13, 19–22*):

A, pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis:
Et placui (gratare mihi) coepique poetae
Inter inhumanos nomen habere Getas.

Ах, — стыдно! — я и на гетском языке написал книжку, где варварские слова выстроены нашими размерами. И я имел успех (поздравь меня!), и стал прозываться поэтом среди диких гетов.

Эта поэма Овидия не дошла до нас. Единственный источник, в котором она упоминается, — “Послания с Понта”; в только что процитированных стихах поэт рассказывает, что сложил “песнь о новом небожителе”, т. е. об Августе. Некоторые исследователи полагают, что поэма была написана не по-гетски, а по-гречески, и Овидий прочитал ее перед образованной — греческой — частью населения

Метоп с монумента в Адамклиси с изображением римлянина, дака и германца

Том, а они за это освободили его от налогов. Однако, с другой стороны, нет никаких оснований сомневаться в правдивости Овидия, ведь в данном случае преувеличением или ложью он ничего бы не добился. Наоборот, тот факт, что Овидий освоил гетский язык, свидетельствует о том, что он привык к местному населению; а это противоречит прежним заявлениям поэта о гетах — варварах, с которыми опасно находиться рядом. Жители Том, которых Овидий прежде описывал практически только как врагов, постепенно приобретают в его стихах более человеческие черты.

Таким образом, в первый период своей ссылки Овидий, вероятно, искажал действительность, желая вернуться в Рим. Осознав, что это невозможно, он перестал воспринимать гетов как олицетворение своих бед.

Свидетельства Овидия о гетах, несомненно, ценны; но гораздо интереснее для нас оказалось упоминание этого племени Горацием в 24 оде III книги (9–24):

Campestres melius Scythae,
quorum plaustra vagas rite trahunt domos,
vivunt et rigidi Getae,
immetata quibus iugera liberas

fruges et Cererem ferunt
nec cultura placet longior annua,
defunctumque laboribus
aequali recreat sorte vicarius.

Illic matre carentibus
privignis mulier temperat innocens
nec dotata regit virum
coniunx nec nitido fidit adultero;

dos est magna parentium
virtus et metuens alterius viri
certo foedere castitas,
et peccare nefas, aut pretium est mori.

Лучше живут степные скифы, у которых телеги по обычаю везут скитающиеся дома, и геты, кому неразумные югеры добровольно несут плоды Цереры, и занятие земледелием не угодно им дольше года, и отошедшего от трудов по справедливому жребью сменяет приемник. Там невинная женщина щадит пасынков, лишившихся матери, а богатая супруга не царит над мужем и не берет себе красивого любовника. Приданое там — великая добродетель родителей и скрепленное прочным договором целомудрие, страшась другого мужчины; и нельзя грешить, а иначе наказание — смерть.

Кроме этого места, геты упоминаются у Горация еще только однажды — в *Carm. IV, 15* (non qui [...] Danaum bibunt, / edicta rumpent Iulia, non Getae...)

В оде III, 24 поэт пишет о чистоте нравов, честности гетов, ставя эти их качества в пример римлянам. Определением к гетам служит прилагательное *rigidi*, которое комментаторы понимают по-разному. *Oxford Latin Dictionary* дает такие значения *rigidus*: ‘жесткий, негнувшийся’, ‘затвердевший, замерзший’, ‘суровый, непреклонный’. В нашем случае подходит одно из двух последних: ‘суровый’ или ‘замерзший’. Оба эти значения соответствуют тому, что говорилось о гетах до Горация — это строгий и воинственный народ, а их земля холодна и безжизненна. В этимологическом словаре латинского языка А. Эрну и А. Мейе прилагательное *rigidus* и однокоренные слова сопоставляются с *frigus*, однако точной этимологии нет. Отсюда следует, что первым (хотя, может быть, и не самым употребительным) значением *rigidus* является все же ‘замерзший’.

Что означают *rigidi Getae* у Горация? Мнения исследователей на этот счет расходятся. Согласно античному толкователю Горация Порфириону, геты названы так из-за холодного климата их страны: “propter frigida regionum earum”; это объяснение приводится и в авторитетном комментарии к Горацию Адольфа Кисслинга и Рихарда Хайнце.¹ Лукиан Мюллер также считает, что *rigidi* нужно понимать как “холодные”, причем в уступительном значении. В своих рассуждениях, он опирается на то, что скифы названы *campestres*, т. е. дана их внешняя характеристика — а значит, и гетам должна соответствовать внешняя характеристика.² Однако есть и сторонники переносного значения — например, Гаспар Орелли, который трактует *rigidi* как *simplices et severi*.³ Также и Томас Пейдж пишет, что это определение означает “строгие, суровые” — в противоположность “распущенным, развязным” римлянам.⁴ В *Oxford Latin Dictionary* цитата из оды III, 24 иллюстрирует значение *rigidus* ‘суровый’; Доминик Бо в *Lexicon Horatianum*⁵ тоже склоняется к тому, чтобы понимать этот эпитет не в букваль-

ном, а в переносном смысле.

Во всяком случае, закономерно предположить, что общему настроению оды, в которой прославляется простой образ жизни, целомудрие и честность гетов, более подходит значение “суровый, строгий”. Может ли *rigidus* у Горация иметь такой смысл? Ответ на этот вопрос дает все тот же “Лексикон” Доминика Бо. Оказывается, *rigidus* встречается у нашего поэта редко, всего пять раз. Значения эпитета в этих случаях, согласно Д. Бо, такие: “твердый” (*Carm.* III, 10, 17: *nec rigida mollior aesculo*), “замерзший, затвердевший от холода” (*Carm.* II, 9, 20: *cantemus... rigidum Niphaten*), “терпеливый, твердый, непреклонный” (*Epist.* I, 1, 17: *virtutis verae custos rigidusque satelles*) и “суровый” (*Epist.* II, 1, 25: *foedera regum / vel Gabiis vel cum rigidis aequata Sabinis*). Последний отрывок примечателен тем, что речь в нем идет о сабинянах, а они — жители теплой Италии — никак не могут быть замерзшими от холода. Здесь прилагательное явно имеет переносное значение; таким образом, и в нашей оде переносный смысл *rigidi* представляется правдоподобным. Гораций говорит о высокой нравственности гетов. Такая оценка варваров в его творчестве уникальна: к примеру, скифы предстают у Горация скитающимися и воинственными (*Carm.* II, 11, 1: *bellicosus Cantaber et Scythes*; IV, 14, 42: *profugus Scythes*), а германцы — страшными и жестокими (*Carm.* IV, 5, 26–27; *Epod.* 16, 7).

Насколько оторвана от действительности эта высокая оценка гетов? Возможно, ответить на этот вопрос нам поможет свидетельство Страбона. Он сообщает (VII, 3, p. 298; p. 304), что в первой половине I в. до н. э. (точная дата неизвестна) верховной власти над своим племенем достиг гет Биребиста. С помощью жреца Декеней ему удалось возродить свой народ путем дисциплины, воздержания и отказа от вина. При Биребисте геты стали очень могущественными и внушали страх даже римлянам, поскольку безбоязненно переходили Истр, совершая набеги на Фракию вплоть до Македонии и Иллирии. Они опустошили земли кельтов, а боев и тавриков совершенно истребили. В 48 г. до н. э. Помпей вел с Биребистой переговоры о помощи, а Цезарь собирался отправиться в поход против гетов — однако прежде, чем он успел сделать это, Биребиста был убит в результате заговора. Тем не менее поход все-таки состоялся — уже при Августе — и был успешным.

Ни один из комментаторов нашей оды не упоминает Страбона. Возможно, однако, что высокое мнение Горация о гетах основано на традиции, отразившейся у его младшего современника, и те сведения о преобразованиях Биребисты, которые приводит греческий географ, были известны и Гора-

Монета из Истрии

цию. Таким образом, свидетельство Страбона показывает, что идеализация гетов в оде III, 24 имеет под собой реальную основу.

¹ *Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden / Erkl. von A. Kiessling. 3 Aufl., besorgt von R. Heinze. Berlin, 1898. S. 287.*

² *Q. Horatii Flacci Carmina. Oden und Epoden des Horaz / Mit Anm. von L. Mueller. Giessen, 1882. S. 139.*

³ *Q. Horatius Flaccus / Recensuit atque interpretatus est Io. G. Orellius [...]. Ed. tertiam curavit Io. G. Baiterus. Vol. I. Turici, 1850. P. 474.*

⁴ *Q. Horati Flacci Opera / With Notes by Th. E. Page, A. Palmer, A. S. Wilkins. London, 1853. P. 314.*

⁵ *D. Bo. Lexicon Horatianum. Vol. II. Hildesheim, 1966, s. v.*

Gulnaz Iaminova

RIGIDI GETAE

The question is about an ode by Horatius (*Carm. III, 24*) where he glorifies Gets and Scythians. In this ode he says “rigidi Getae”. But the word “rigidus” can have two meanings: “frozen” and “severe”. They both suit to the general mood of the ode. What did Horatius mean by saying “rigidi Getae”?

Adolf Kießling and Richard Heinze think that he talks about the quality of climate and the word should be taken as “frozen”. Lucian Müller also thinks that Gets are frozen. He explains that by saying that if Scythians are named “campes- tres”— and that is their outward characteristics — Gets must also have their outward characteristics.

But there are supporters of a figurative sense, such as G. Orelli who interprets “rigidi” as “simplices ac severi”, or Th. E. Page. In *Oxford Latin Dictionary* a quotation from the ode: “...vivunt et rigidi Getae...” is an illustration for the meaning “severe”. Anyway, the figurative sense seems to be more suitable to the common sense of the ode.

Did Horatius ever use “rigidus” in the meaning “severe”? The answer can be found in *Horatian Lexicon* by Dominicus Bo. Actually in these lines: “...foedera regum vel Gabiis vel cum rigidis Sabinis...” (*Ep. II, 1, 25*) we see that he did. Here Sabini who live in Italy are named “rigidi”. Surely they cannot be frozen, they are severe.

Anyway if saying “rigidi Getae” Horatius meant “severe Gets” he obviously thought they were worth praise. But did such an estimation correspond to reality? Maybe we can find an answer in an evidence of Strabo who was Horatius’ younger contemporary. He tells us about changings in the Gets’ life when being ruled by Birebistas. They became very mighty then and frightened even Romans. Maybe this evidence proves that Horatius’ idealization of Gets has a real basis.

Deutsch ohne Noten

In unserer Schule gibt es jetzt eine neue Freizeitbeschäftigung. Jeden Donnerstag treffen sich Leute, die sich für Deutsch interessieren — Lehrerinnen und Schüler —, um sich zu unterhalten und eine Tasse Tee zu trinken. Im Deutschclub (so nennen sich unsere Sitzungen) werden verschiedene Projekte ausgearbeitet. Bei den letzten Treffen überlegten wir vor allem, wie wir einen Film über unser Schulleben drehen können. Die Idee entstand nicht ganz zufällig: Die wichtigste aller Künste bleibt für uns die Filmkunst! Das ist aber noch nicht alles. Wir selber kümmern uns um deutsche Kontakte, zum Beispiel haben wir übers Internet Kontakt mit der Jugendinitiative EXPO 2000 aufgenommen, weil wir gern selbst die Weltausstellung in Hannover besuchen würden.

Obwohl unser Deutschclub noch nicht lange existiert, kursieren in der Schule bereits Gerüchte, dass wir Nachahmer gefunden haben und eine Art Konkurrenzclub gegründet worden ist. Dies führen wir auf den Erfolg unserer selbstgemalten Plakate zurück, die in den verschiedenen Etagen ausgestellt sind. Auf denen werden wir Euch auch weiterhin über unsere Aktivitäten auf dem Laufenden halten.

Sascha Distel, Mitya Kobak, Kirill Ivanov

ДЯТЛЫ

реферат по биологии

Под зеленой кроной дерева, что с годами обветшало, иструхлявилось изрядно, проживает некто *дятел* — птица с длинным острым клювом и хвостом коротким, крепким. Зацепившись коготками за древесный ствол надежный, и устойчивости ради в оный ствол хвостом упершись, он стучит и долбит дерево без особого урона для мозгов своих для птичьих, их никак не сотрясая и от каждого удара колоссальную нагрузку в 10 g претерпевая с легкостью весьма завидной.

Череп... Так устроен череп...

Он, рожденный для полета, будто ползает по дереву, и зовут его ползушим, полностью опровергая мысль великого поэта — буревестника свободы, — будто бы летать не может тот, кто ползает с рождения. Орнитологам противным это — словно туз козырный в их гипотезе отвратной, будто миленькие птички повели свое начало от исчезнувших рептилий — мерзких, скользких и холодных.

Больно, братцы, за пернатых!

Но вернемся все же к дятлу, к языку его, точнее...

Длинной тонкою змеею, липкий, на концах — с шипами, ростом в десять сантиметров, он ползет по закоулкам, где, от страха обмирая, схоронились, притаились сотни мирных короедов с женами, со стариками, с детками, подчас грудными, — им спасенья нет: находит их везде язык ужасный безобидной с виду птички. Чтобы в глотке уместилось это ловчее устройство, попотела мать-природа: изо рта изъяла напрочь сухожилия основания языка, и череп птицы, как петлею, обернула этим самым сухожилием.

Охраняйте мать-природу!

Побережь ее усердно всем нам стоит ради этих очень важных эволюций. Очищайте водоемы! Берегите кобр и гризлей! Разводите в Антарктиде небольшую птичку киви. Ей на родине, дурехе волосатенькой, так жарко, что в дневное время суток на Зеландию на эту киви и смотреть не хочет, вылезая только ночью.

Если их скрестить с пингином...

Но займемся этим позже, а пока вернемся к дятлам.

Крепким клювом добывает дятел вредных насекомых, лушит семечки из шишек, а когда пригреет солнце — дырку выдолбит в березе и упьется ейным соком.

После этого, разнежась, станет думать о высоком. И в мечтах приятных этих занят дятел две недели построением жилища для своих грядущих *детлов*. Барабана что есть мочи по стволу сухому дерева, он стучит, и птицы знают тайный смысл этой дробы. В этом стуке слышат птицы:

а) здесь есть уже хозяин;

б) на вашу территорию свои имею виды;

в) молоденькую самку для серьезных отношений сроком длительностью в месяц призываю соблазниться. Есть свое дупло, и пищей тоже, в общем, обеспечу до указанного срока.

И под эту серенаду, обещаниям поверив, прилетает к дятлу *тётел*, или *тётла* — как угодно. Дятел с ней суров и резок, кормит — ну, не так, чтоб сытно, и не месяц, а дней десять, чтоб совсем не обленилась.

Через десять дней у *тётла* из яиц выходят детлы, и с тех пор уже супруги тяготятся личной жизнью: их вдвоем в дупле не сыщешь, прилетают только порознь.

А как детлы подрастают, так разнузданный папаша, заорав “кийя”, ногою из гнезда их вышибает: пусть летят дремучим лесом!

Точно в том же направленье с поредевшим опереньем отправляется и *тётел*, горько на лету вздыхая: “Ах, зачем же я не страус, для чего же я летаю? Будь я эму или нанду — всю заботу о потомстве взял бы на себя мой страус. Он насиживал бы яйца, за собой водил детишек, мне б дарил боа из перьев не простых, а страусиных. А чуть что не так — ногою я б ему пинка давала! Жили б мы единым стадом, с антилопами дружили, с зебрами траву делили...”

Если толком разобраться, то по матушке-России дятловых всех твердолобых еле-еле наберется до четырнадцати видов.

Все — отпетые мерзавцы!

Вот хотя бы черный дятел с непривычной кличкой *желна* (и поди тут разберись, отчего он так зовется). Сам-то черный, хоть и русский, а макушка — в красной шапке. И дупло долбит он странно, для России нетипично: вход в него — прямоугольный или вовсе уж овальный...

Словом, чистый басурманин!

Или взять большого дятла, что еще зовется пестрым. Попадаетя он часто, вход в дупло — нормальный, круглый, но орет, стервец, так громко, будто из Иерихона завезли его мasons с тайной целью — уничтожить фауну в лесу российском, заселив кошерной дичью наши русские просторы.

Православные! Не верьте этим всем большим и пестрым. Малым пестрым дятлам тоже ни за что не доверяйте: если ты зовешься дятел — почему такого роста, будто жалкий воробьишка? Верно, замаскировался и втираешься в доверье! Ты — шпион и проходимец!

Ведь доподлинно известно, что в лесу американском вовсе нет гнилых деревьев. Для больших и малых пестрых, для зеленых и трехпалых и для прочих вертишек строят гнезда из пластмассы, обернув корой фальшивой их искусственные бревна.

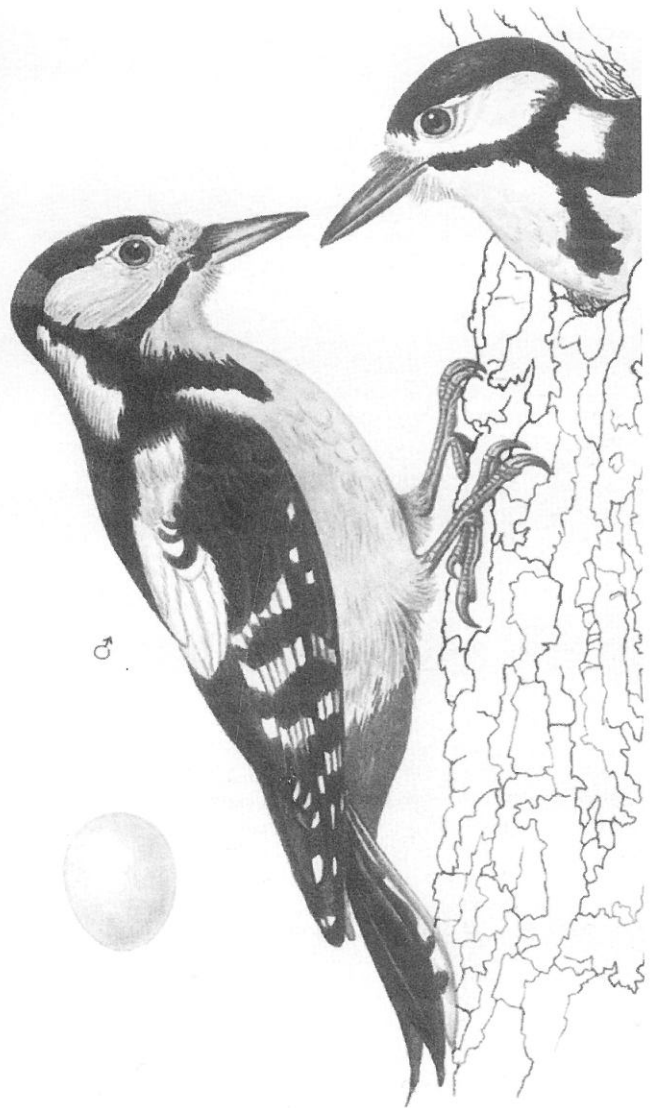
От такой поганой жизни даже рыжий дятел взвоят, хоть живет он прямо в гнездах с огненными муравьями. Притворившись другом верным, муравейника опорой, он с птенцами потихоньку склевывает их детишек — беззащитных муравьишек, — словно в куколки играет...

Дятлам верить — хуже нету!

Ну а что ж наш пестрый дятел? В шею вытолкав семейство, наконец, вздохнул свободно: “Вот теперь-то отдохну я, ведь от крика, визга, писка голова

моя опухла и была уже готова расколоться в этом шуме!”

На сосне большой усевшись, стал слагать он дифирамбы убедительной победе разума над интеллектом, воспевая славу жизни и обильному питанию.

Волишебница Курка превращает царевича Пика в дятла (Овидий, “Метаморфозы”, XIV, 386—396):

Tum bis ad occasus, bis se convertit ad ortus,
ter iuvenem baculo tetigit, tria carmina dixit.
Ille fugit, sed se solito velocius ipse
currere miratur: pennas in corpore vidit,
seque novam subito Latiis accedere silvis
indignatus avem duro fera robora rostro
figit et iratus longis dat vulnera ramis;
purpureum chlamydis pennae traxere colorem;
fibula quod fuerat vestemque momorderat aurum,
pluma fit, et fulvo cervix praecingitur auro,
nec quicquam antiquum Pico nisi nomina restat.

Дважды затем на восток обратилась и дважды на запад;
Палочкой трижды к нему прикоснулась и три заклинанья
Произнесла, — и бежит он, и сам удивляется бегу
Быстрому, как никогда, и пух замечает на теле;
И, возмущенный, что вот новоявленной птицей нежданно
В Лация рощи влетел, он твердым клювом дерева
Бьет в досаде своей, ветвям пораненья наносит,
Крылья же птицы хранят окраску пурпурной хламиды;
Прежняя пряжка его, золотая шеи заковка,
Стала пером; золотой вокруг шейки горит ожерелок.
Нет ничего уже в нем от прежнего Пика — лишь имя.

пер. С. В. Шервинского

В августе 1999 года группа наших гимназистов совершила поездку в Херсонес в награду за победу в первой Всероссийской школьной олимпиаде по латинскому языку, которая прошла весной прошлого года в Москве. Ребята получили возможность участвовать в раскопках археологических экспедиций, возглавляемых А. И. Романчук и И. А. Антоновой. Кроме того, для них были проведены занятия в фондах Херсонесского музея-заповедника и организованы экскурсии в Бахчисарай и на Чуфут-Кале, в Балаклаву, на Мангун и по южному берегу Крыма.

Эта поездка под руководством преподавателей древних языков А. И. Рубана и Е. Л. Ермолаевой была осуществлена при финансовой поддержке Античного кабинета (BIBLIOTHECA CLASSICA).

Настя Макарова

9 класс

Нас ждала античность

Летом 1999 года мы впервые попали на раскопки. Некоторые из нас имели смутное представление об археологических экспедициях по книжкам и из уроков истории. Кто-то даже бывал на раскопках как любопытствующий наблюдатель. Теперь же мы получили возможность принять участие в этом увлекательном процессе. Пожалуй, ни один самый черствый и неэмоциональный человек не останется равнодушным, когда увидит собственными глазами предметы древности в культурном слое, где они пролежали много веков. Извлекая их земли, при-

касаешься к самой истории, которая становится ближе и понятнее.

Археология так увлекательна и азартна, вероятно, потому, что можно только строить догадки о том, что находится под землей, прямо под твоими ногами. Лишь в процессе раскопок и по их результатам проверяется, насколько верны были предположения и стоило ли вообще переворачивать тонны земли и камней. Однако для таких новичков, как мы, любая находка — событие. В глубине души каждый из нас надеялся найти что-нибудь любопытное. Еще до того, как нас пустили на раскоп, нам долго и очень интересно рассказывали о древнем городе Херсонесе. Нас водили в музей и показывали античные и средневековые памятники: мозаики, расписные амфоры, поливную керамику, стекло, монеты, украшения. Подобных ценностей нам найти не удалось. Зато выяснилось, что стоит увидеть в раскопе краешек фрагмента керамики — и сердце замирает. Даже самая незначительная найденная мелочь доставляет огромную радость.

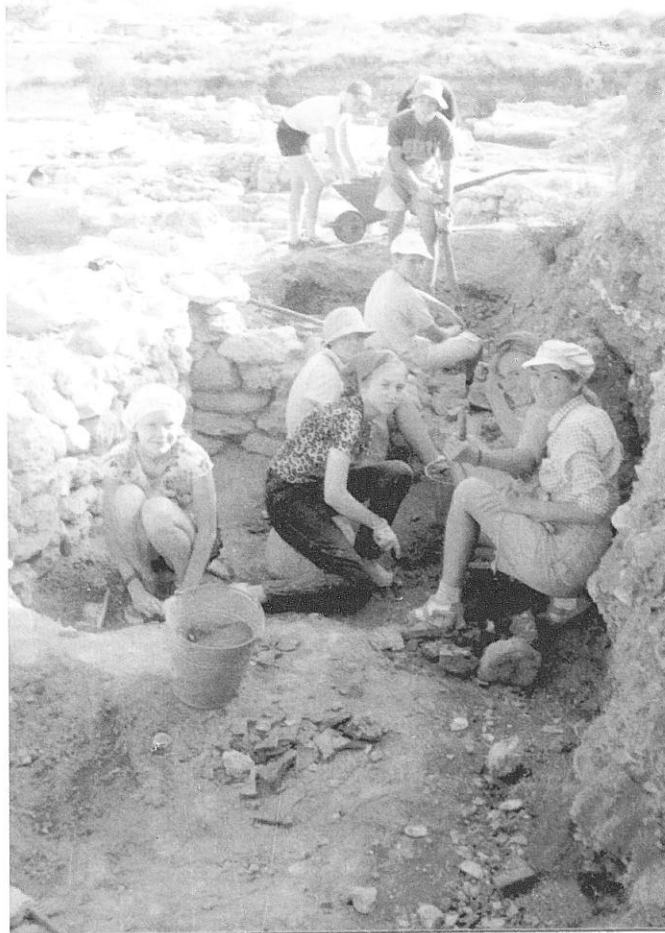
За то недолгое время, которое было отведено

нам для раскопок (из двух недель — шесть дней по четыре часа), мы успели поработать в двух разных местах. Сначала мы копали в портовом районе, помогая студентам Свердловского университета (экспедиция А. И. Романчук) исследовать средневековый слой. Профессионалы по сравнению с нами, они рассказывали и показывали, что и как нужно делать. В первое время нас удивляло, с каким нетерпением они ждут перерыва. Нам все было в новинку, а они копали уже не первый месяц, и для них раскопки стали обычной повседневной работой. Только когда начинало сильно припекать солнце, желание отдохнуть появлялось и у нас.

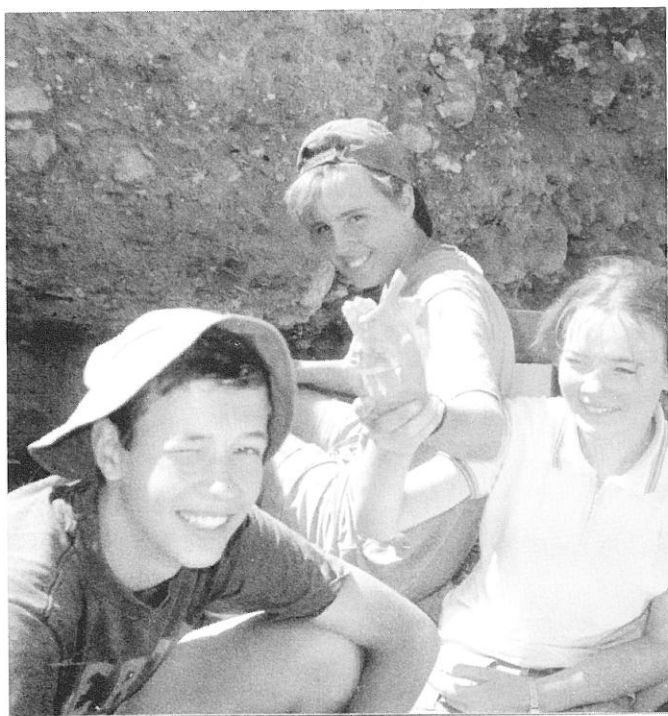
Мы выискивали в тачке с землей маленькие кусочки керамики, смальты и стекла и раскладывали их по разным коробочкам. Потом их отмывали и в итоге половину выкидывали в отвал (очень обидно!), оставляя лишь те, что представляли наибольший интерес или же складывались в целую вещь. Зимой отобранным предметам предстояло пройти более тщательную обработку и атрибуцию.

Получив начальные навыки, мы переместились на другой участок, в район Цитадели, где копали самостоятельно. На этот раз нас ждала античность, что было особенно любопытно для нас, учеников классической гимназии. В том месте, где мы вели раскопки, находился дом человека, занимавшего достаточно высокий военный пост, о чем говорили покрытые расписной штукатуркой стены. Одна стена обгорела во время пожара. Черепки, которые мы там находили, почернели от огня. На этом участке было много стеклянных осколков, покрытых толстым переливающимся налетом, иногда лишавшим стекло прозрачности. После мы узнали, что по ко-

Копаем у цитадели. Экспедиция И. А. Антоновой

личеству и слоям такого налета можно определить возраст стекла. Среди керамики попадались тонкие узкие кусочки разбившихся сосудов. Их не выкидывали, а использовали в качестве чернильниц. Среди прочего часто встречались кости животных и рыб. Мы, например, нашли куриную лапку, составившую пару той, что была обнаружена в этом раскопе до нас. Пожалуй, самыми ценными находками явились монетка и колечко. Кто знает, сколько еще интересного осталось под слоями земли! Помимо работы на раскопе мы успели совершить за короткий период несколько увлекательнейших походов в Бахчисарай, Балаклаву, Алупку и на Мангуп.

Нашли очередную челюсть (раскопки у башни Зенона).

Маша Григорьева

11 класс

Этот труд не только тяжел

В середине августа в Херсонесе даже с утра солнце палит нестерпимо, а сырая земля обращается в пыль. Однако для того, кто увлечен своим делом, каждое утро в радость — ведь настоящие археологи работают с шести часов.

Археология — наука чрезвычайно интересная, так как непосредственно связана с практикой; но вместе с тем и тяжелая, поскольку трудиться в экспедиции приходится много.

Нашему отряду достался район Цитадели, где мы завершили работу над одним культурным слоем, начатую до нас. Затем мы приступили к слою XII–XIII веков. Наш участок был относительно невелик: два метра на пять, с культурным слоем приблизительно в один черенок лопаты. Земля оказалась очень твердой и немного сырой, со множеством камней, поэтому сначала ее нужно было разрыхлить киркой. Делать это необходимо крайне осторожно: ни в коем случае нельзя наносить удары сверху вниз, поскольку можно разбить черепок, находящийся в земле. Разрыхленную землю лопатами сбрасывали в тачки, у которых трудились переборщицы: весь грунт было необходимо просеять, чтобы не пропустить ничего важного.

Поливная керамика по мере продвижения вглубь попадалась всё реже и реже, однако иногда случались и ценные находки. Так, на нашем — относительно бедном — участке мы нашли монету с якорем-омегой и кусок мрамора. Последняя находка примечательна, так как своего мрамора в Крыму не было и его привозили из Греции. Кроме черепков нам попадались и другие древности (не представляющие, правда, большой исторической ценности). Так, мы нашли множество костей всяческих животных и раковины двустворчатых мидий, которых издавна употребляли в пищу. Именно этих раковин мы, пожалуй, обнаружили больше всего.

Хочется сказать, что работа на раскопе требует большого оптимизма и выдержки, поскольку этот труд не только тяжел (перебирание сухой земли под жарким крымским солнцем), но и не всегда сопровождается успехом (ведь по-настоящему ценные находки встречаются не так уж часто). Зато сколько радости испытывает юный археолог, когда среди камней блеснет на солнце желтая или зеленая глазурь! Или когда удастся найти целое доннышко или кусочки стенки сосуда с ручкой!

Сознание того, что далекое прошлое не утрачено до конца, что его можно искать и находить — вот что делает археологию одним из увлекательнейших занятий.

Оля Романенко

11 класс

Солнечное затмение

Самой интересной из наших экскурсий была поездка на южный берег Крыма. Как раз в тот день было солнечное затмение. Думаю, ни к чему описывать хорошо известный прекрасный ландшафт и все легенды, связанные с горами. Мы поднялись на Ай-Петри, но, к сожалению, нам не хватило времени пройти к пещерам, так что пришлось быстро спуститься (что, конечно, не значит, что мы спускались без фуникулера), чтобы не опоздать на другие экскурсии. Как всегда, прекрасен был Воронцовский дворец, и его серо-зеленые стены из диабазы были приятным разнообразием на бело-сине-желтом фоне окружающей природы. Потом мы поехали в Ливадийский дворец, и по дороге начинали чувствовать себя “все страньше и страньше”, пока не вспомнили, что долгожданное солнечное затмение вот-вот должно начаться. Когда экскурсия по внутренним комнатам дворца была окончена, мы вышли наружу, и следует признаться, что мы еще никогда так не страдали от солнца. Оно было какое-то ядовитое, ходить по улице было практически невозможно. Мы вооружились специальными средствами для наблюдения солнечного затмения (очень кстати

кто-то из нас засветил пленку) и принялись увлеченно смотреть на солнце. Сначала мы почти не видели узкой черной полоски, закрывающей край Солнца, но потом Луна стала наползать все больше и больше, и примерно в течение получаса от нашего родного светила остался один тоненький серп. Почему-то это показалось нам странным, но стало темнеть; было такое ощущение, будто наступали сумерки. Потом стало светлеть, и Луна уходила все дальше и дальше... Половина из нас уснула прямо в автобусе, и нас еле разбудили, когда мы приехали к лагерю...

Из редакционного архива

Было дело в Херсонесе:
 Нам доверили раскоп
 В севастопольском предместье,
 Раскопать античность чтоб...
 Бодро взялись мы за дело,
 Засучили рукава —
 Фонд античного отдела
 Нам пополнить дважды два!
 Но... сначала подкрепились.
 Подкрепились и потом,
 Чтоб явили боги милость,
 Помогли в раскопе том.
 Жертве вняли олимпийцы —
 И находок нам не счесть!
 Хорошо бы поселиться
 Навсегда в палатке здесь.
 Но — увы — пора на поезд,
 С верхних полок мир видней...
 Что ж, прощай, античный полис!
 В дальний путь позвал Борей.

1987

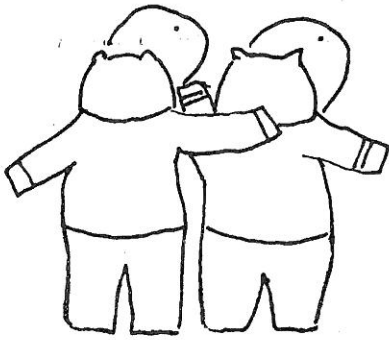
В. Б.

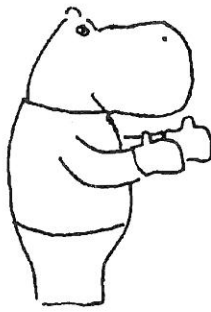
GRAMMATICA PICTA

Эти латинские глаголы управляют аккузативом!

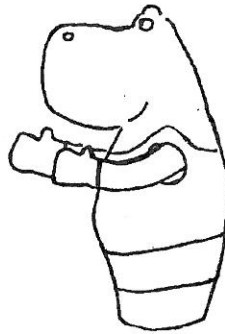
Кирилл Иванов, 10 класс

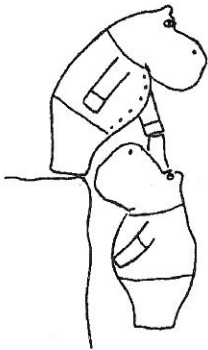
consulo – советоваться

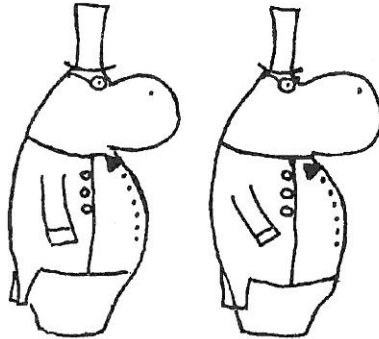
aemulor – соперничать

deficio – недоставать

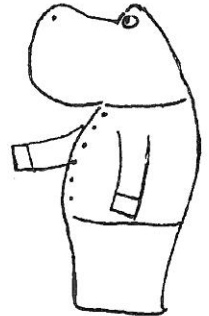
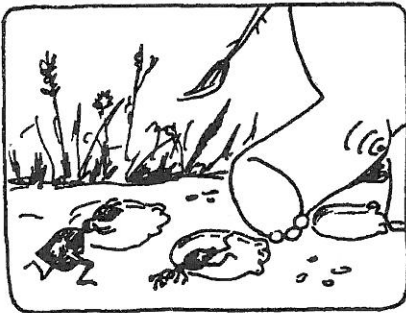
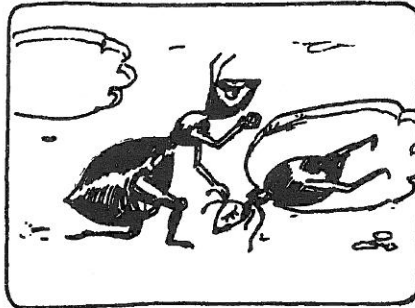
iuvo – помогать

imitor – подражать

neglego – пренебрегать

Рисунок: Ира Можаява
Текст: Саша Лебедева, Катя Лысенко, Ира Можаява (10 класс)Elephans aliquando uxorem
formicae casu interfecit.Formica elephantem
ulcisci minatur.Elephans verba eius *miratur*,
sed *neglegit*. Nam *iactat*
neminem se vi *aequare* posse.Formica amicos collegit,
quos *monet*: "Me *iuvate!*"Amici formicam *sequuntur*,...Elephantem *ascendunt*
oculosque eius *vulnerant*.

Е. Н. Грачева

Гимназическая театральная студия

С момента основания гимназии театральные постановки сопровождали все гимназические праздники. Театральная студия в том виде, в котором она существует сейчас, начала складываться со времени прихода в гимназию в 1996 году Елены Васильевны Вензель.

Е. Вензель — ученица Бориса Юрьевича Понизовского, замечательного ленинградского театрального режиссера (1938–1995), чьи спектакли (а он был не только режиссером, но и композитором, и художником, и писателем) в Ленинграде эпохи “второй культуры” (1970–80-е гг.) стали заметными событиями. Понизовский создал свою концепцию театрального действия. Для того, чтобы

объяснить основные принципы его системы, мы используем фрагменты “Автобиографии” режиссера и интервью, данное его ученицами, актрисами театра “ДаНет” Галиной Викулиной и Еленой Вензель, для сборника, посвященного памяти Бориса Понизовского (ныне в печати).

По словам Е. Вензель, Б. Понизовский любил рассказывать, что в детстве у него была любимая игрушка — калейдоскоп, который дал ему ощущение “точности цвета и движения в ограниченном пространстве”. По сути дела, это одно из наиболее емких определений театра Бориса Понизовского: осмысленное освоение пространства (в “Автобиографии” есть специальный термин — “простран-

Сцена из спектакля “Средневековые французские фарсы”

ственные спекуляции”), акцент на визуальном ряде — как расположены предметы, каковы их цвет, форма, взаимодействие; движение актеров как “театр дисциплины и стиля” (фраза из “Автобиографии”, сказанная по поводу репетиции оркестра под управлением Шостаковича). Одна из теоретических работ Понизовского была оформлена в виде набора карточек, каждая из которых посвящалась определенному типу организации пространства сцены.

Из интервью с Е. Вензель и Г. Викулиной:

“Е. Г.: На чем строилась импровизация в театре Понизовского?”

Г. В.: На отношении к предмету — его преобразовании. Предмет менял свое назначение и в каждой новой функции должен был быть узнаваем, при том что предмет может принять любой облик, с ним можно разговаривать и т. п. <...>

Е. В.: Борис считал, что современный театр утратил свой язык. Он хотел научить драматического актера владеть этим языком. Он очень ценил Мейерхольда, <...> но считал его систему несколько ограниченной, не учитывавшей личности актера и даже некоторым образом подавлявшей его. Выше всех из режиссеров 20-х годов Борис ставил Таирова. Он видел Коонен и говорил, что это был самый близкий ему театр — та степень театральности, та опора на личность, индивидуальность, неповторимость человека — актера, играющего роль. <...> Каждый актер привносит свой вариант спектакля, при появлении нового актера спектакль меняется. Он мечтал о том, чтобы каждая пьеса игралась во множестве вариантов. Каждый актер — это новый тембр голоса, пластика... Для Понизовского была невозможна автоматическая замена одного актера другим. Он всегда шел от индивидуальности актера, на этом принципе и основывалась его студия”.

Таковы были идеи, которыми руководствовалась Е. В. Вензель, организуя школьный театр: знаковая, условная природа театрального действия; человеческая индивидуальность, “краска” каждого актера; трансформация предмета как основа образительного ряда спектакля.

Сначала занятия проводились с учениками 6-х классов, которые придумывали этюды с предметами, “играли” предметы, осваивали движение, жест, пространство сцены — “точность движения в ограниченном пространстве”. Точность означает осмысленность — ребенок должен понимать, почему он двигается так, а не иначе, почему находится именно в этой части сцены; он должен понимать, что театр — это особая система условностей, особый язык. В этих занятиях важно то, что режиссер “задает” только предмет; дети сами придумывают сюжеты-миниатюры; режиссер на этих показах лишь “изысканный зритель”. В настоящее время

такие занятия-этюды в театральной студии включены в гимназическую программу пятого класса, а в спектаклях театра принимают участие гимназисты всех поколений — от пятиклассников до выпускников.

Сцена из спектакля “Король-олень”

Выбор пьесы и поэтика спектаклей были отчасти связаны и с концепцией преподавания литературы, принятой в гимназии. В программе каждого класса есть “историческая” часть — художественные произведения, принадлежащие той эпохе, которая изучается в параллельном курсе истории. В шестом классе это Эзоп, Гомер, Софокл и Плутарх; в седьмом — средневековый эпос и т. д. Литературное произведение при таком подходе изучается прежде всего в контексте представлений той или иной эпохи о человеке и мире, в контексте эстетики того или иного исторического стиля: что считалось прекрасным и безобразным, правдоподобным и неправдоподобным, человеческим и бесчеловечным; как менялись эти представления с ходом истории. В работе над всеми театральными спектаклями студии мы стремились найти определенную стилевую доминанту — тот круг предметов, тот стиль сценического движения, тот образительный ряд, которые обозначали бы театр определенной исторической эпохи. Существующее ныне название студии стало таковым скорее стихийно, “Театр всех времен и народов” первоначально было скорее лозунгом, попыткой кратко сформулировать принцип отбора материала и работы с ним — играем в средневековый городской театр, в театр комедии дель арте, в русский крепостной театр XVIII века и т. п. Важно, что это всегда именно игра в стиль:

мы никогда не ставим себе задачей восстановить тот или иной тип театра в его “археологическом” варианте; эпоха скорее обозначена, чем воспроизведена, это намек, ассоциация, а не реконструкция. Например, основой для пластики спектакля по “Мимиямбам” Герода стала поэтика античного барельефа, для “Гамлета” А. П. Сумарокова — поэтика барочного отражения, удвоения при построении мизансцен и т. п. Если спектакль по пьесе Карло Гоцци “Король-олень” насыщен движением, быстрыми перемещениями, буффонадой, то “Гамлет” строится на статичной декламации, жестких позах и жестах. Таким образом, для детей студия — это возможность не только играть в театре, но и “примериться” к другому времени, другой культуре, поговорить на другом языке.

Каждый из пришедших в студию ребят так или иначе привносит свою точку зрения на эстетику спектакля. Принцип студии — отказ от отбора “актеров”, спектакль решается в зависимости от того, что может тот или иной исполнитель, как он понимает ту игру, в которую играет; сколько ребят хотят играть именно в этом спектакле. Невозможна механическая замена одного актера другим или игра “в два состава” — появление каждого нового человека привносит в спектакль новую краску, новую пластику; концепция действия меняется.

Поскольку основу спектаклей составляет визуальный ряд: цвет, предмет, форма, — то особая роль в постановке принадлежит художнику. В нашей студии он одновременно и исполнитель: костюмы и реквизит спектаклей, программки созданы художниками часто в сотрудничестве с детьми. Спектакли по средневековым французским фарсам, Гоцци, Пушкину и Сумарокову придуманы Людмилой Пантелевной Радченко, готовящаяся к постановке “Книга о Ксанфе-философе” — Натальей Михайловной Куртовой и Софией Николаевной Поляковой.

В последних работах студии все большее значение приобретает музыка. В “Средневековых французских фарсах” участвовал гимназический ансамбль средневековой музыки (ныне, к сожалению, распавшийся) под руководством Владимира Молодцова; спектакль по пьесе “Моцарт и Сальери” стал возможным только благодаря помощи Нины Николаевны Серегиной, доцента Санкт-Петербургской консерватории. В двух последних постановках театра звучит музыка, сочиненная гимназистами; именно музыка десятиклассницы Марии Журбиной во многом создает атмосферу спектакля по Сумарокову.

Сейчас школьная театральная студия — это около пятидесяти гимназистов, причем ребята не только играют, но и сочиняют музыку, рисуют, помогают

делать реквизит и костюмы. Приходя на репетицию после шестого или седьмого уроков, постоянно пребывая в жесточайшем цейтноте, они находят в себе желание и силы играть и сочинять — и только благодаря этому мы и существуем.

Сцена из спектакля “Моцарт и Сальери”

Спектакли театральной студии Санкт-Петербургской классической гимназии:

1. Герод. “Мимиямбы” — декабрь 1996.
 2. А. С. Пушкин. “Сказка о мертвой царевне и семи богатырях” — апрель 1997.
 3. “Средневековые французские фарсы” — декабрь 1997 (одна из частей спектакля — фарс о школяре Мимене — была поставлена в мае 1999 на латинском языке, в переводе преподавателя гимназии М. М. Позднева).*
 4. А. С. Пушкин. “Моцарт и Сальери” — февраль 1998.
 5. К. Гоцци. “Король-олень” — апрель 1999.
 6. А. П. Сумароков. “Гамлет” — декабрь 1999.
- Сейчас студия репетирует спектакль “Книга о Ксанфе-философе и рабе его Эзопе”.

* Публикуется в настоящем номере журнала. — *Прим. ред.*

M. M. Позднев (Tardior)

MIMENUS

scholasticus,

qui ad bellum profectus atramentarium cum calamis cepit,
ut omnes scilicet, quos interfecisset, litteris consignaret

Drama Francogallicum Latinis versiculis enarratum,

CUIUS PERSONAE SUNT QUINQUE:

Mimēnus, puer — Вера Пушная
Lubina, mater eius — Наташа Кузнецова
Milites: *Deliratus* — Сережа Верещагин,
Володя Колбатов
Crudovorax — Саша Дистель
Citorapax — Сережа Мисенко

I

Deliratus: Bellicosissimus in mundo
Virtutis laudibus abundo,
Sed desunt hostes. Des mi statim,
Quos consecem particulatim,
Ut Latron olim ille rex,
Quem abstulit honesta nex.
Immensae hastae moriturus
Heredem fecit me. Egon
Нас uti nequeam tam durus?
Avertat Deus hoc, Latron!

Crudovorax: Ne unus quidem as inest
In sinu viri fortioris,
Sed via certa fit honoris:
Immenso enim ense dato
Ab ipso duce Harpocrato
Sum tutus. Nam, si vidit quos,
Mactavit, rupit ille hos
Damnosa acie destrecta
Menteque sana derelicta,
Ignorans, hostes an suos.

Deliratus: Societatem perpugnacem
Adire puto novum ducem.
Nam video Citorapacem...
Sis integer per Sanctam Crucem!

Citorapax: Te salvet Deus, Delirate,
Ubique diu indagate!

Deliratus: Nunc infingendus nobis hic

Est palus medium in forum
Cum tabula, qua scribas sic:
“Huc audacissimi virorum
Quoscunque cupidos bellorum
Invitant, vocant, arcessunt,
Si cui maturae vires sunt.”

Citorapax: Confeci opus. Vah, quam belle!
Paulisper tamen lassus sum.
Aptate scripta, ego tum –
Nam testes vestri sint ocelli –
Ostendam, quibus ipse signis
Indutus sim vel Marte dignis.

Lorica, cassis, gladius,
Assari quo permagna sus,
Gallina, anser bene possint.
Haec mihi omnia legavit
Qui omnes urbes expugnavit
Archipirata imperator,
Virtutum belli grandis sator.
Heus, baro, canens eas prae!

Deliratus: Quam arrogans! Praesente me
Tu imperare ausus es,
Me duce proelium cies!

Crudovorax: Inscriptio inficta est.
Mox nostras incidet in manus
Castrorum sollers oppidanus.
Iam iam adveniet quivis,
Nos adjuvabit magna vis.

Citorapax: Huc adsit miles furibundus.

Deliratus: Iam fremit tuba, tremit mundus.

Crudovorax: Qui sibi parcit, procul sit!

Citorapax: Huc, huc, qui militare scit!

Deliratus: “Ave Caesar” clamitemus!

Crudovorax: Hostes subito vexemus!

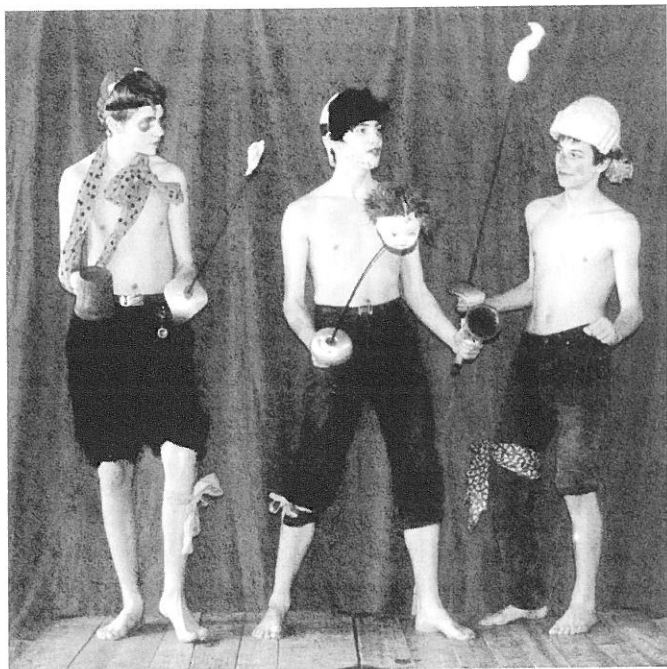
Deliratus: Hasta!

Citorapax: Gladio!

Crudovorax: Bombax!

Cave Parthe, cave Thrax!

Deliratus: Cuneos in te infigam!
Citorapax: Veru penitus transfigam!
Crudovorax: Crudum devorabo te!
Deliratus: Morsu lacerabo te!

Crudovorax: Manduco dentes sicut pisum.
Deliratus: Per Bacchum, istud movet risum.
 Me taedet iusculi hortensis —
 Pro potu sanguinem fert ensis.
Citorapax: Egomet fundens hunc in vas
 Lavabam pedes!
Crudovorax: A, nugas!
 Coquebam digitos abscisos
 Tamquam tomacla — dulcis visus
 Saporque bonus...
Deliratus: Satis est.
 Quod olim fuit, nunc abest.
 Prospicienda sunt futura.
Citorapax: Licetne nunc remota cura
 Cantare, fratres, voce pura?
 Me praecentore cantus sit!

(cantant)

Heia, struitur cohors!
 Pereas, Britanne.
 Perge, iuvat te Mavors,
 Fortis Aquitane.

Heia, signa mota sunt!
 Longobarde, fuge.
 Aquitani prodeunt
 Sumpta belli fruge.

II

Mimenus: O viatoris gradus lenis,
 Quocunque eas, Romam venis...
 Hem, istud, hercle, mira res!
 Num sit proscriptio Sullana,
 Vel saltem bulla Vaticana,
Nai Hermen, haud intelleges.
 Quae littera! Nec "O", nec kappa,
 Fortasse "Q"? O sancte Papa,
 Haec, puto, scripsit rostro sus,
 Vel ungulo exfodit mus.
 Legamus nunc attentius!
 "Qui pugnis satis est paratus,
 Molesta cui videtur pax,
 Qui gestit conspici armatus —
 Hunc vocant eques *Deliratus*,
 Centurio *Crudovorax*
 Clarusque dux *Citorapax*".
 Qua voluptate militandi
 Comprendor, captor, teneor!
 Laetitia exsultat cor,
 Sum avidissimus bellandi.
 Heus, mater, ubi es? An is?

Lubina: Iam adsum. Quid? Pugnare vis?
 Pusille nequam, nonne scis
 Te periturum? Ad te redi!
Mimenus: Minervae iusurandum dedi
 In hostes ruere.

Lubina: Quo pacto?
Mimenus: Sic volunt Parcae! Forte legi
 Adiungere me suo gregi
 Imperatores fortes tres
 Pulchrasque polliceri res.
 Haec scripta. Iam pugnat tuus!

Lubina: Quid prosunt litterae dementi?
 Doctrina bene fit callenti,
 Sed frustra sudat fatuus.
Mimenus: Primo agmine procedam,
 Signum feram, hostes laedam!

Lubina: Relictis studiis?
Mimenus: Babae!

Quid iuvat bibliothecae
 Codicibus invigilare
 Inseto digito in nare?
Lubina: Mimene, domum nunc ito!
Mimenus: Per Deum Sanctum, nullo modo.
 Quot enim annos libros rodo,
 Tot mihi perditos puto.

Lubina: Nae caput hebes! Ego hos
 Ad omne facinus paratos
 Centuriones et legatos
 Videre malim suffocatos,
 Ut necant canes rabidos.

Tu, bone, desine nugari,
Te decet scholae operari.
Quietus stertis, multum es,
Quid tibi deest?

Mimenus:

Virgines!
Et vinum! Ista nobis des!

Lubina:

Centenas virgas stulto dare!
Dic mihi, quomodo parare
Tam pulchra velis tibi bona.

Mimenus:

Iam dixi: haec castrorum dona.
Militibus nos adiungamus!

Lubina:

Quos perdat Deus! Sed videamus,
Quae sit colluvies virorum,
A te tam valde optatorum.

Mimenus:

Virtute pares illi tres.
Ut in loricis fulget aes!
Ulixes, Ajax, Achilles!

Deliratus:

Portentum hoc quid sibi velit?

Lubina:

Est mea haec progenies,
Mimenus nomine, qui tres
Urbanos milites appellat
De magna casside fulgenti.
Nil profuit insanienti –
Bellare nova vult proles.

Deliratus:

Iniuria non fit volenti.
Ehem... In castra puer pronus,
Et habitu, et vultu bonus,
Fortisne, nescio. Ehem...

Mimenus:

Per canum omnium fidem!
Cum concurretur, primus ero!

Citorapax:

Oho! Catellum fore spero
Non contemnendum.

Crudovorax:

Salva stirps,
Sed nondum firma...

Citorapax:

Nil refert.
Ut puto, onus bene fert.
Sit calo primum, deinde veles.

Lubina:

Mi fili, dic, an ipse velis
Praebere dorsum parasitis
Ac deinde latera sagittis?
Haud dubium – beata sors!

Deliratus:

St, vetula, quid lamentaris?
Sis bono animo, scholaris!
Ni paveas, non moriaris:
Nam fortem ipsa timet mors!

Lubina:

Numquam mi obtemperasti,
Scholis tantum oscitasti.
Fuit carior taberna,
Quam consilia paterna.

Deliratus:

Miseret me clericorum,
Taedet me causidicorum.
Quod hi colligunt per vitam,
Ego rapiam per horam.

Lubina:

Cavillarisne?

Deliratus:

Immo vero,
Praedanti lucrum erit multum.

Mimēnus: Me mittas! Dives fore spero.
Lubina: Amittam te nondum adultum!
 Sed sit volenti gestus mos:
 I nunc, miserrime, si placet.
Citorapax: Ne fleas, mater – bellum facit
 Pauperrimos ditissimos.
Lubina: Quod tibi quaestus, mihi clades.
 Discedens quae praecepta trades?
Mimēnus: In primis velim, rogo pares
 Tu commentarios scholares.
 Doctori linguae Graecae dic
 Me esse schola liberatum,
 Ulcisci tandem apparatus
 Pro his, quae passus sim istic.
 Latinitatis praeceptor
 Dic, quaeso, me praefere mori,
 Quam iterum ac iterum
 Repetere “arma virum”.
 Amicis dicas me abisse.
Lubina: Quid patri?
Mimēnus: Dic adolevisse
 Iam puerum, qui vapulare
 Desierit et verberare
 Nunc ipse possit alios
 Miseriores parvulos.
Lubina: Me miseram!
Deliratus: Habemus satis
 Muliebris garrulitatis.
 Heus, mater, domum redeas!
Lubina: Avete!
Deliratus: Quae loquacitas!
 Iam patet iter militare,
 Profectionem praeparare
 Oportet. Age, tolle moras
 Bellique suscipe labores!
 Ignaviam non tolerabo!
Mimēnus: Me pugnacissimum praestabo,
 In nostra sicut eram classe —
 Sed pugnae praemium, nefas,
 Habebam modo ferulas.
 Quam pulchrum est se liberasse!

(cantant)

O astrictus scholae victus,
 Odiosae litterae!
 Disciplinam et doctrinam
 Malumus omittere!
 O pergratus grex armatus!
 Omnium securus
 Bellicosus, ebriosus
 Bene sum victurus!

Lubina: Heu! Abeuntem video
 Mimenum. O praecepta vana!
 Quid enim? In paludem rana

De throno salit aureo.
 An peperit Mimenum illum,
 Omnino licet imbecillum,
 Tam gravi sorte periturum?
 Per patinam! Cavete, tres –
 Est mea haec progenies!
 Praebebo vobis magnam curam.
 Terrebo vos!.. Hiante ore
 Cantantes procul abeunt.
 Cui verba nihil iam prosunt,
 Iuветur usu praeceptore.

III

Citorapax (cantat):

Age, mi scholastice,
 Quaere tesseram ex me!

Mimēnus: Tis esti? Responde cito!

Citorapax: Verbo Graeculo oblito
 Roga illud: “Quis adest?”

Mimēnus: Inscribendo opus est.
 Adversaria parabo,
 Verba litteris mandabo!

Crudovorax: Casus valde iocularis:
 Haeret tibi mos scholaris.

Deliratus: Ad bellum nondum aptus es.
 En tibi optima lorica.

Mimēnus: Eheu! Aperta pars postica,
 Obduci nequeunt nates!

Citorapax: Oportet militem, mi care,
 Non terga, pectus hosti dare.

Crudovorax: Videtur bene meminisse
 Paternas noster ferulas.

Mimēnus: Sed istud scito: praeter has
 Me nihil umquam timuisse.

Deliratus: En, galeam accipias.

Mimēnus: Oho! Formidolosum vas!
 Me puto tanta olla usum
 Fugare posse vel Medusam.
 Quid addes?

Deliratus: Sume istam clavam!

Mimēnus: O Hercules! Te credo avum
 Mimeni esse. Hoc gestamen
 Te dignus nepos feret! Amen!...
 Quos invademus?

Deliratus: Rossicos.

Mimēnus: Hic peius vincere, quam vinci.

Citorapax: Fortasse Belgas...

Mimēnus: Tam paucos?

Crudovorax: Hispanos?

Mimēnus: Nimium propinqui!

Crudovorax: Quos praefers?

Mimetus: Equidem Mauros!
Per vastum mare navigemus,
Hierosolymam oppugnemus!
In Indos!

Crudovorax: Quo?! Heus, requiesce,
Ardentem animum compesce.

Citorapax: O adulescens summae spei,
Dic mihi, quaeso, quid sit rei,
Qua cinctus sis.

Mimetus: Est scrinium
Cum calamis et atramento:
Quos occiderimus, momento
Perscribam!

Citorapax: Quod ingenium!

Deliratus: Ad viam satis es paratus.
Fugiesne?

Mimetus: Immo moriar!
Armatum caput est et latus –
Certabo ipsi Marti par.
Non recedam umquam rursus,
Certus est honorum cursus.
Tiro nunc, dein veteranus,
Tunc legatus et post annos
Imperator! Fiat ita!
Vale, schola, salve, vita!

IV

Lubina (prodigioso quodam habitu vestita):

Eho, brahaha!
Perfringere frontem, elidere dentem
Et cerebrum mox manducare
tepentem!

Eho, brahaha!

Mimetus: Quo curram? Protinus, retrorsum?
Heu, protinusne? Immo vorsum!
O fortis eques Deliratus,
Centurio Crudovorax
Clarusque dux Citorapax!
Sum de salute desperatus,
Mi opem ferte!

Deliratus: Tace stultus!
Videsne, hostis sit quam multus?
Mutamus dispositionem.

Citorapax: Movemus castra.

Mimetus: In draconem!
Secate, scindite serpentem,
Vos sequar, o amici mei!

Crudovorax: At forte venit mi in mentem:
Oblitus sum cuiusdam rei...

Citorapax: Et ego quoque.

Deliratus: Iam accedit!
Ad fugam!..

Mimetus: Proh! Desertus sum...

Se turpi fugae quisque dedit
Et nemo fert subsidium!

Lubina: Haha! Ridiculosa res.
Ut currunt nostri heroes!
Volabit vel ad Africanos
Belligera praedonum manus.
Quam splendidi! Fuerunt tres,
Nunc restat nemo. Tu, Mimene,
Ut puto, solus agis bene.
Iam ego te...

Mimenu: I retro, Satan!
Quis sit Mimenus, non laboro.

Lubina: Nae, tu!

Mimenu: Mimenum hunc ignoro.
Fortasse ille aufugit?

Lubina: Qui omnes gentes voluit
Devincere deditque sponsum?

Mimenu: Nunc certum est: Mimenus non sum.

Lubina: Te novi! Tu Mimenus es.
Heus, ocius appropinques!

Mimenu: Per meum caput!.. Deest, vae,
Quo probem me non esse me.
Tu quisnam es?

Lubina: Sum tua mater!

Mimenu: O beluarum imperator,
Non licet talia mentiri.
Qui potest illa sic vestiri?
Responde, obsecro, quis sis,
O versipellis nobilis!

Lubina: Sum mater tua, sum Lubina.
Te fallit species ferina.
Induta monstruosa veste
Servavi te a gravi peste:
Acuitur vel tarda mens,
Cum servat filium parens.
Timere noli!

Mimenu: Nondum credo,
Sed metuo. Si vis, accedo.
Mi ferrocissime propinque,
Diducas rictum. Dentes quinque
Deficiunt in matris ore.
Inspiciam... Miranda res!
Revera mater mea es.

Lubina: Ac puto numquam ex pudore
Se recreare posse tres
Magnificos bellatores.

Mimenu: Ad domum; citius ad cenam!

Lubina: Agnosco veterem Mimenum,
Militiae qui dedit nomen...
At donec absolvantur pensa,
Te iubeo carere mensa!

Mimenu: Heu, meum vacuum abdomen!
Da veniam!

Lubina: Videbimus...
Dum felis dormit, gaudet mus.
Et certe domum redeamus.
(*ad spectatores*)
Nunc plaudite et discedamus!

Выпуск 1995 г.

Класс α

1. Андреева Ольга – СПбГУ, филологический факультет (классическая филология)
2. Гаврилова Елизавета – СПбГУ, филологический факультет (классическая филология)
3. Гаврилова Серафима – сотрудник журнала “Пчела”
4. Евгеньева Евгения – Инженерно-экономическая академия
5. Зайцев Павел – закончил Высшую школу милиции, работает в юридической фирме
6. Захарова Дарья – СПбГУ, исторический факультет (медиевистика); работает в проекте “ТАСИС”
7. Колинько Константин – совместный факультет информатики СПбГУ и ИТМО
8. Капранова Анна – СПбГУ, исторический факультет (новистика); работает в проекте “ТАСИС”
9. Кочугурова Наталья – СПбГУ, филологический факультет (математическая лингвистика)
10. Котельников Евгений – СПбГУ, юридический факультет
11. Мальцев Владимир – СПбГУ, юридический факультет
12. Облапенко Александр – работает в сфере полиграфического дизайна
13. Пазикова Елена – Инженерно-экономическая академия
14. Родионов Роман – СПбГУ, медицинский факультет
15. Точкин Михаил – СПбГУ, экономический факультет
16. Файзуллин Евгений – СПбГУ, исторический факультет (новистика)
17. Щербак Андрей – СПбГУ, исторический факультет (новистика)

Класс β

1. Александрова Анастасия – СПбГУ, исторический факультет (новистика), работает помощником нотариуса
2. Борисова Анна – СПбГУ, филологический факультет (новогреческая филология)
3. Бурячко Александр – Университет экономики и финансов
4. Викторова Ксения – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
5. Григорьев Сергей – изучает психологию в Вашингтонском Университете
6. Дьяченко Оксана – СПбГУ, филологический факультет (РКИ)
7. Зельвенский Станислав – СПбГУ, исторический факультет (новистика)
8. Зиновьев Александр – СПбГУ, математико-механический факультет
9. Иванов Андрей – СПбГУ, исторический факультет (новистика); временно не учится
10. Кудрявцева Яна – СПбГУ, исторический факультет (искусствоведение), работает в Русском музее
11. Лукина Анастасия – СПбГУ, филологический факультет (новогреческая филология)
12. Лурье Даниэль – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
13. Осипова Наталья – СПбГУ, медицинский факультет
14. Потехина Ирина – СПбГУ, исторический факультет (медиевистика)
15. Провоторов Михаил – СПбГУ, исторический факультет (новистика)
16. Самойлов Виталий – СПбГУ, исторический факультет (новистика)
17. Чагунава Тимур – СПбГУ, исторический факультет (новистика); временно не учится
18. Шаповалов Дмитрий – СПбГУ, физический факультет
19. Яневич Никита – учится в университете г. Йорка, Канада

Выпуск 1996 г.

Класс α

1. Жемеров Дмитрий – Государственный технический университет, факультет экономики и менеджмента; работает программистом в фирме “Ниеншанц”
2. Ильин Петр – Государственный технический университет, факультет технической кибернетики; работает дежурным инженером в ОАО “Промышленно-строительный банк”
3. Караськова Ольга – СПбГУ, исторический факультет (медиевистика)
4. Кейер Денис – СПбГУ, филологический факультет (классическая филология)
5. Киселева Анна – СПбГУ, экономический факультет (отделение экономики и туризма)
6. Косаревский Петр – СПбГУ, математико-механический факультет (кафедра алгебры)
7. Костин Андрей – СПбГУ, филологический факультет (русская филология); работает лаборантом в рукописном отделе Пушкинского Дома
8. Левина Мария – СПбГУ, филологический факультет (русская филология)
9. Лопатка Владимир – СПбГУ, психологический факультет (кафедра политической психологии)
10. Новиков Максим – экспедитор в дочерней фирме завода “Парнас”
11. Осетинский Александр – СПбГУ, юридический факультет; работает юристом в АООТ “ЛОЭЗ «Судостроение»”
12. Петров Александр – СПбГУ, медицинский факультет
13. Потапова Евгения – СПбГУ, филологический факультет (русская филология); работает переводчиком в фирме “Эктако”
14. Симин Александр – Государственный электротехнический университет, радиотехнический факультет (кафедра микроэлектроники); работает менеджером по сбыту в ИПК “Кодекс”
15. Смолина Мария – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
16. Черноморский Павел – журналист (“Пчела”, “Hallo, Internet”, “internet.ru” и др. издания)
17. Шемякин Алексей – СПбГУ, медицинский факультет
18. Шульга Екатерина – СПбГУ, исторический факультет (новистика)

Класс β

1. Беляев Демьян – СПбГУ, факультет международных отношений
2. Гук Олеся – РГГУ, историко-филологический факультет
3. Дружинина Екатерина – СПбГУ, филологический факультет (классическая филология)
4. Дугаев Даниил – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания); корреспондент газеты “St. Petersburg Times”, директор Port.ru.
5. Коновалов Алексей – в настоящее время не учится
6. Коробкова Анна – СПбГУ, экономический факультет (кафедра экономической кибернетики)
7. Критский Николай – в настоящее время не учится
8. Курочка Павел – СПбГУ, экономический факультет (кафедра экономической кибернетики)
9. Морозов Роман – СПбГУ, медицинский факультет
10. Нахмансон Илья – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
11. Нецветаева Мария – СПбГУ, филологический факультет (математическая лингвистика); работает в театральной студии

12. Озерский Александр – Институт точной механики и оптики
13. Перлов Михаил – СПбГУ, медицинский факультет
14. Пироговская Мария – СПбГУ, филологический факультет (русская филология)
15. Пупынин Александр – Инженерно-экономическая академия
16. Самойлова Ксения – свободный художник
17. Семенов Андрей – СПбГУ, исторический факультет (новистика)
18. Смирнов Владимир – СПбГУ, географический факультет
19. Хитрова (Костина) Дарья – СПбГУ, филологический факультет (русская филология)
20. Чистович Сергей – СПбГУ, математико-механический факультет; преподает в Санкт-Петербургской классической гимназии
21. Шатров Юрий – Балтийский технический университет (Военмех)

Выпуск 1997 г.

Класс α

1. Абдрахманова Динара – СПбГУ, филологический факультет (новогреческая филология)
2. Алексеев Александр – СПбГУ, факультет социологии
3. Алехин Андрей – Государственный технический университет
4. Алимов Рашид – СПбГУ, восточный факультет
5. Ананьев Михаил – СПбГУ, экономический факультет
6. Андреев Артем – СПбГУ, филологический факультет (математическая лингвистика)
7. Евсеенко Ирина – Академия связи им. Бонч-Бруевича
8. Егорова Софья – СПбГУ, филологический факультет (классическая филология)
9. Мурашов Антон – Государственный технический университет
10. Округина Ольга – СПбГУ, медицинский факультет
11. Сафронова Дарья – СПбГУ, биологический факультет
12. Слюсарь Наталья – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
13. Табунс Янис – СПбГУ, факультет прикладной математики
14. Тараканов Олег – СПбГУ, математико-механический факультет
15. Фомичев Иван – СПбГУ, биологический факультет
16. Харин Арсений – СПбГУ, биологический факультет
17. Черноглазов Дмитрий – СПбГУ, филологический факультет (новогреческая филология)

Класс β

1. Алексеев Вадим – Институт точной механики и оптики
2. Богданов Борис – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
3. Гамов Алексей – СПбГУ, филологический факультет (РКИ)
4. Дроздова Дарья – СПбГУ, филологический факультет (классическая филология)
5. Елизаров Антон – РГПУ им. Герцена, факультет иностранных языков (английское отделение)
6. Зубаков Евгений – СПбГУ, филологический факультет (математическая лингвистика)
7. Климович Мария – Инженерно-экономическая академия
8. Куртыкина Ирина – СПбГУ, исторический факультет (новистика)

9. Миалович Татьяна – Университет экономики и финансов
10. Николаев Александр – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
11. Поздняков Петр – СПбГУ, исторический факультет (новистика)
12. Полушкина Евгения – СПбГУ, филологический факультет (РКИ)
13. Ривина Наталья – скончалась в 1999 г.
14. Роговер Екатерина – СПбГУ, филологический факультет (английская филология)
15. Титова Анастасия – Петровский колледж
16. Тулаев Сергей – в настоящее время не учится
17. Шацков Андрей – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
18. Юрков Андрей – Государственный электротехнический университет

Выпуск 1998 г.

Класс α

1. Андреев Алексей – СПбГУ, филологический факультет (классическая филология)
2. Бузакова Алёна – СПбГУ, филологический факультет (скандинавская филология)
3. Вахрушева Кира – СПбГУ, филологический факультет (славянская филология)
4. Извозчикова Антонина – Университет технологии и дизайна
5. Касплер Ольга – СПбГУ, факультет журналистики
6. Коваленко Артем – СПбГУ, юридический факультет
7. Круглова Марина – СПбГУ, филологический факультет (РКИ)
8. Михалевич Леонид – СПбГУ, юридический факультет
9. Синяев Александр – Государственный технический университет
10. Смирнов Иван – ВИКУ им. Можайского
11. Степанов Василий – СПбГУ, филологический факультет (финно-угорская филология)
12. Учасова Маргарита – СПбГУ, филологический факультет (романская филология)
13. Хомицевич Ольга – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
14. Христианов Никита – Государственный технический университет
15. Южакова Валерия – Институт сервиса и туризма

Класс β

1. Белков Николай – СПбГУ, факультет международных отношений
2. Борисенко Елена – СПбГУ, факультет международных отношений
3. Борисов Глеб – СПбГУ, восточный факультет
4. Воронков Алексей – Университет экономики и финансов
5. Гаврилов Павел – СПбГУ, восточный факультет
6. Гидон Дина – СПбГУ, химический факультет
7. Добкина Елизавета – СПбГУ, филологический факультет (русская филология)
8. Зотова Анастасия – СПбГУ, экономический факультет
9. Иванов Дмитрий – СПбГУ, экономический факультет
10. Клейнер Светлана – СПбГУ, филологический факультет (английская филология)
11. Козина Полина – РГПУ им. Герцена, факультет народов Крайнего Севера

12. Коробейников Сергей – СПбГУ, филологический факультет (русская филология)
13. Мнёв Павел – СПбГУ, физический факультет
14. Петрунькин Алексей – СПбГУ, медицинский факультет
15. Пылаева Валерия – СПбГУ, факультет журналистики
16. Самойлович Дмитрий – Государственный технический университет
17. Сегаль Наталья – СПбГУ, филологический факультет (математическая лингвистика)
18. Трухманов Андрей – Санкт-Петербургская Педиатрическая академия
19. Филатова Елена – СПбГУ, экономический факультет
20. Чепцова Ольга – Санкт-Петербургская Лесотехническая академия
21. Ященко Варвара – СПбГУ, биологический факультет

Выпуск 1999 г.

Класс α

1. Алтухов Николай – СПбГУ, восточный факультет
2. Борунов Игорь – СПбГУ, филологический факультет (теория языкознания)
3. Волкова Наталия – СПбГУ, филологический факультет (новогреческая филология)
4. Горбачева Валерия – СПбГУ, экономический факультет
5. Дружинина Ксения – СПбГУ, математико-механический факультет
6. Жигулев Андрей – Университет экономики и финансов, факультет общей экономики
7. Кармичев Дмитрий – ВИКУ им. Можайского
8. Кузнецов Степан – СПбГУ, математико-механический факультет
9. Куприянов Константин – Государственный электротехнический университет, факультет электроники
10. Мирошниченко Матвей – СПбГУ, математико-механический факультет
11. Меньшиков Дмитрий – СПбГУ, исторический факультет (новистика)
12. Моисеев Алексей – Университет экономики и финансов, факультет общей экономики
13. Никулина Полина – Институт иностранных языков
14. Поволоцкий Дмитрий – СПбГУ, математико-механический факультет
15. Прохоров Михаил – СПбГУ, филологический факультет (германская филология)
16. Степанова Ольга – Государственный технический университет, факультет экономики и менеджмента
17. Толмачев Даниил – Государственный технический университет, физико-механический факультет
18. Федченко Валентина – СПбГУ, филологический факультет (новогреческая филология)
19. Фарутин Александр – Московский физико-технический университет

Класс β

1. Безъязычный Андрей – Государственный технический университет, физико-механический факультет (отделение прикладной математики)
2. Бузакова Александра – СПбГУ, филологический факультет (испанская филология)
3. Вакуленко Марина – СПбГУ, факультет психологии
4. Вовин Андрей – СПбГУ, филологический факультет (итальянская филология)

5. Глаговский Юрий – СПбГУ, химический факультет
6. Евсеенко Наталья – СПбГУ, филологический факультет (русская филология)
7. Жмудь Александр – СПбГУ, филологический факультет (германская филология)
8. Иванова Анастасия – подготовительные курсы при Шеффилдском университете (химия, биология)
9. Киреев Дмитрий – СПбГУ, математико-механический факультет
10. Киричек Валентина – Государственный технический университет, физико-механический факультет (отделение прикладной математики)
11. Королев Дмитрий – СПбГУ, математико-механический факультет
12. Левит Дмитрий – СПбГУ, факультет менеджмента (международный менеджмент)
13. Петрунькина Анна – СПбГУ, факультет психологии
14. Писарева Надежда – Университет экономики и финансов, экономический факультет
15. Рябов Сергей – Государственный технический университет, ЦНИИ РТК (отделение робототехники)
16. Семенова Ольга – подготовительное отделение при РГПУ им. Герцена (филологический факультет)
17. Тараканов Юрий – Государственный технический университет, физико-технический факультет (кафедра твердотельной электроники)
18. Усачев Михаил – Академия связи им. Бонч-Бруевича
19. Хохлова Жулиана – Лицей предпринимательства Метростроя
20. Цуринов Евгений – Институт точной механики и оптики, факультет компьютерных технологий и управления
21. Чиковский Алексей – Государственный архитектурно-строительный университет

Санкт-Петербургская
классическая
ГИМНАЗИЯ

**Конкурсный прием
учащихся в 5-е классы**

**Вступительные экзамены 27 и 28 мая
Запись на экзамены в приемной комиссии
с 1 апреля**

Санкт-Петербургская классическая гимназия — государственное образовательное учреждение повышенного уровня обучения, реализующее в полном объеме программу классического образования

- Изучение четырех иностранных языков: двух древних — латыни и греческого, и двух новых — английского и немецкого; углубленная программа по математике, истории, русскому языку и литературе.
- Большое количество факультативных курсов по гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам — на выбор
- Большая часть учителей гимназии — преподаватели Санкт-Петербургского университета и сотрудники институтов Российской академии наук. Для преподавания новых языков привлекаются иностранные специалисты
- Обучение в гимназии — *бесплатное*.

День открытых дверей — 20 мая с 16.00
Адрес гимназии: Малый пр. Петроградской Стороны, д. 9/6
(угол ул. Красного Курсанта), ст. м. "Спортивная",
телефон приемной комиссии: 235-40-14

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКО-РУССКИЙ УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОТАБЕНЕ» / BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA

Составители Томас Майер, Герман Штайнталь

Русская версия А. К. Гаврилова

Санкт-Петербург, 1997

Древнегреческо-русский учебный словарь представляет собой переработку известного немецкого пособия. В русской версии расширены толкования слов, а лексические параллели обновлены в соответствии с богатейшими связями греческого и русского языков. Словарь предназначен для всех, кто приступает к серьезному изучению древнегреческого языка и к чтению греческих текстов от Гомера до Нового Завета.

Словарь построен исходя из частотности употребляемых в греческих текстах слов, размещенных по гнездовому способу; для удобства пользования имеется и алфавитный указатель. Пособие может быть использовано учащимися школ с преподаванием древнегреческого языка, равно как и студентами гуманитарных факультетов высших учебных заведений.

АНТИЧНЫЙ КАБИНЕТ
ул. Красного Курсанта, 6/9
197198 С.-Петербург Россия

Факс: (812) 113 23 08
235 13 02

e-mail: bicl@mail.wplus.net

BIBLIOTHECA CLASSICA
ul. Krasnogo Kursanta, 6/9
197198 St. Petersburg Russia

Факс: (812) 113 23 08
235 13 02

e-mail: bicl@mail.wplus.net

A B A R R I S

АНТИЧНЫЙ КАБИНЕТ
BIBLIOTHECA CLASSICA